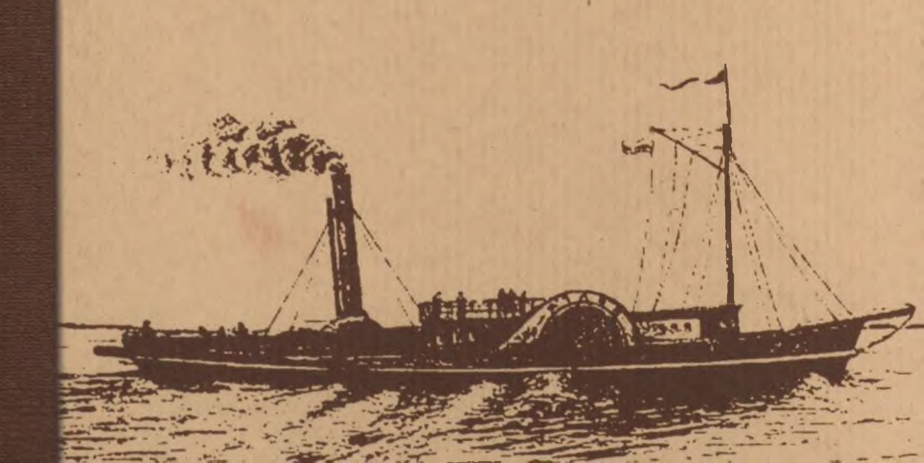
АФАНАСИЙ БУЛЫЧЁВ

«Ныне к вам прибегаю»

Жизнеописание соловецкого инока Афанасия, написанное им самим

Афанасий Булычёв

«НЫНЕ К ВАМ ПРИБЕГАЮ»

Жизнеописание
соловецкого инока Афанасия,
написанное им самим

Товарищество Северного Мореходства
Архангельск – Москва
2008

ББК 63.3 (2Рос–4Арх)
63.5
Б908А

Рецензенты:
Д.Ю. Арапов, д.и.н., профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
А.А. Куратов, к.и.н., профессор Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный работник высшей школы РФ (Архангельск)

Подготовка текста, биографический очерк, комментарии
В.Н. Матонин, к.и.н., доцент Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск)

Редактор
В.В. Аксючиц-Лаушкина

Оформление, макет
С.В. Рапенкова

Корректор
В.Г. Дроздова

Использованы открытки из частной коллекции А.И. Сидорова (Архангельск), фотографии семейного архива Латухиных – Широковых (Архангельск).

Проект поддержан грантом в региональном конкурсе по приоритетным направлениям развития науки в Архангельской области.

Издатели выражают сердечную признательность владельцам рукописи Марии Филипповне Калашниковой, Анне Александровне и Анастасии Латухиным, а также директору Центра технического обслуживания «СЦ КОПИЯ» (Архангельск) Александру Анатольевичу Розову за помощь в работе над книгой.

Б908А Афанасий Булычёв. «Ныне к вам прибегаю»: жизнеописание соловецкого инока Афанасия, написанное им самим / Подготовка к печати, комментарии В. Матонина. — Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства: «Фолиум», 2008. — 134 с., илл.
ISBN 5-93881-061-2

В книге впервые опубликованы воспоминания Афанасия Васильевича Булычёва, выдающегося представителя архангельского купечества второй половины XIX – начала XX вв., создателя Северо-Двинского пароходства, хлеботорговца, благотворителя северных монастырей, а в конце жизни — соловецкого инока. Автобиографические записки дополнены историческим очерком о предпринимательской деятельности династии промышленников Булычёвых.

ISBN 5-93881-061-2

СОДЕРЖАНИЕ

Анна Николаевна Широкова
и Филипп Иванович Калашников
в день венчания 11 ноября 1909 г.

Из истории рукописи

Рядом, отроче, рядом
С Соловками Господь,
И под любящим взглядом
Согревается плоть.
Я от радости плачу,
Что мне выпала честь
Потрудиться, тем паче
Упокоиться здесь.

Воспоминания Афанасия Васильевича Булычёва (1827–1902) написаны им самим или под его диктовку в Соловецком Спасо-Преображенском монастыре. В повествовании на 104 листах (в самодельной тетради мелованной бумаги) рассказано о детских и юношеских впечатлениях, о становлении личности будущего монаха, о крестьянской жизни в 30–40-е гг. XIX в. В тексте, который обрывается на полуслове, нет ни единой помарки.

В опубликованном ниже варианте мемуары воспроизводятся в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. В квадратные скобки заключены пропущенные, но предполагаемые слова. Содержание мемуаров разделено публикатором на главы по основным сюжетам и поименовано заглавиями на основе ключевых фраз. Общее название «Ныне к вам прибегаю» (строка из покаянного канона) обусловлено главной мыслью и покаянным тоном рукописи.

В настоящее время записки отца Афанасия (в иночестве он сохранил прежнее имя) находятся у жительниц Архангельска Анны Александровны Латухиной и ее матери — Марии Филипповны Калашниковой. Они наследовали рукопись от родителей Марии Филипповны — Филиппа Ивановича Калашникова и Анны Николаевны Широковой. В начале XX в. Филипп Иванович служил приказчиком у Василия Афанасьевича — сына Афанасия Васильевича Булычёва. Отец Филиппа Ивановича —

Мария Васильевна Калашникова
(урожденная Булычёва),
мать Ф.И. Калашникова

Иван Григорьевич Калашников — по рождению и социальному положению был великоустюжским мещанином, а по характеру занятий — компаньоном и доверенным лицом Афанасия Васильевича.

Знаменитый промышленник, основатель Северо-Двинского пароходства и благотворитель северных монастырей Афанасий Булычёв на закате дней оставил мирскую жизнь, удалился для молитвы и покаяния в обитель преподобных Зосимы и Савватия — Соловецкий Спасо-Преображенский мужской монастырь. Чудотворцы Соловецкие с детских лет были ему вместо родителей, а монашеская келья стала его последним домом. В своих записках он рассказал о самом главном: о своем пути к Богу.

Афанасий Булычёв

«НЫНЕ К ВАМ ПРИБЕГАЮ»

Родоначальникъ нашъ/ какъ извѣстно по преданiи и сохранившемуся у Ф. Т. Булыче ва родословному дереву/ Амвросiй Булычъ былъ во время Вятскаго воеводства, воеводским прикащикомъ въ Орловѣ, родомъ Новгородецъ бѣжавшiй ли оттуда во времена Марфы Посадницы, или командированный на эту службу въ иное время, это осталось неиз- вѣстнымъ, но, по занимаемой должности онъ вѣроятно былъ бояринъ, а какъ мы сде лались впослѣдствiи Государственными крестьянами тоже неизвѣстно, только около 1840 года одинъ изъ Булычевыхъ Евдокимъ Васильевичъ начиналъ розыскивать пути къ возстановленiю нашего родоваго дворян- скаго достоинства, но оказались ближайшiе архивы Вятскiй и Казанскiй сгорѣвшими а далѣе розыскивать онъ не имѣлъ состоя нiя, богатые же Булычевы ему не пособни ствовали потому что были уже потом- ственными почетными гражданами и

Первая страница рукописи Афанасия Булычёва

РОД И СЕМЬЯ

Родоначальник наш (как известно по преданию и сохранившемуся у Ф.Т. Булычёва родословному дереву) Амвросий Булыч – был во время Вятского воеводства воеводским прикащиком в Орлове, родом новгородец, бежавший ли оттуда во времена Марфы Посадницы, или командированный на эту службу в иное время. Это осталось неизвестным, но, по занимаемой должности, он, вероятно, был боярин, а как мы сделались впоследствии государственными крестьянами тоже неизвестно. Только около 1840 г. один из Булычёвых – Евдоким Васильевич – начинал разыскивать пути к восстановлению нашего родового дворянского достоинства, но оказались ближайшие архивы Вятский и Казанский сгоревшими и далее разыскивать он не имел состояния, богатые же Булычёвы ему не посодействовали, потому что были уже потомственными почетными гражданами и в прибавке титула не нуждались, на том и остановилось разыскание, но только достоверно известно, что все орловские Булычёвы произошли от одного этого родоначальника, а он был новгородский, где также сохранилось потомство этой фамилии по настоящее время.

Еще прадед мой Аввакум Михайлович жил на окраине г. Орлова, называющейся и поныне «Булычёвщиной», а впоследствии как сам он, так и все семь сыновей его, переехали жить на так называемые

починки, или свободные для хлебопашества места, из коих в один починок, на расстоянии 20 верст от Орлова, поселился дед мой Калина Аввакумович с братьями, но, переселившись семейно, он долго еще оставался в Орлове в качестве прикащика у богатого родственника своего Тихона Егоровича Булычёва, временно навещая семейство свое на починке.

Дед мой имел пятерых сыновей. Старший из них, отец мой Василий Калинич, родился в 1798 году. Он был умный и добрый человек и потому пользовался большим уважением между братьями, так что его почитали больше отца. К тому же он был некоторым из братьев крестным отцом и как находился больше отца своего постоянно в деревне при семействе, а отец в городе, то и боялись его, и уважали как старшего в доме. Он был очень набожный, трезвый, высоконравственный, серьезный и очень смышлёный. Кроме полевых работ и занятий по хозяйству он занимался и разною торговлею: топил сало, лил свечи, имел платье и кожаную обувь, плотничал, клал печки, делал восковые свечи и, одним словом, из рук его ничего не выпадало. Но отец его почему-то не любил и, может быть, вследствие видимого превосходства перед дедом у отца моего не было к нему безусловной покорности, требуемой деспотизмом того времени.

Дед мой считался по деревне богатым человеком и был действительно зажиточным и уважаемым человеком и, когда пришло время женить моего отца,

то, разумеется, он вправе был искать лучшую партию за такого умного сына. В соседней волости у писаря была дочь, но в те времена писаря считались первыми богатыми и сильными людьми, одним словом, временщики. Деда льстило это родство, он сватает и получает согласие, назначают смотрины, невесту выводят всю в шелку, но отец мой, разумеется, видит невесту в первый раз и не изъявляет согласия (а ему было тогда только 20 лет) и, разумеется, дед оскорбляется. Сватовство это разрушилось, а женить сына пора, отправились смотреть другую невесту за 30 верст в деревню Степановщину, близ села Колкова, у зажиточного крестьянина старшую дочь Василису (или Вассу). Здесь невесту вывели в холщовом крашенинном сарафане, да и тот коротковат по ее росту; жениху по смущению его невеста понравилась и с Божиим благословением состоялась свадьба. Это была мать моя – красавица, умная, кроткая, как агнец. Я худо помню ее, но говорят, что она столько была кротка и добра, что не слыхали от ее в жизни грубого слова, не только чего-либо неприличного (ей было тогда около 20 лет). Отец мой любил мать и потому был с нею всегда ласков, а это старикам не нравилось, и, как кажется со времени женитьбы, неприязнь деда к отцу постоянно увеличивалась. Он ко многому без причины стал придираться. Например, отец мой, ездивши в Вятку с каким-то товаром, купил там небольшой медный котел для большого удобства при салотоплении, дед

озлобился, чуть не избил его, а впоследствии, убедившись в удобстве, сам высказался, что лучше бы купить котел и еще побольше. Отец стал шить башмаки своей молодой жене, дед взял у него и весь материал изрубил в мелкие куски, одним словом, жизнь их пошла с постоянными неприятностями. Затем стали родиться дети и уже стало их трое, мал мала меньше. С матери, конечно, требовалась полевая работа, хозяйство по дому и уход за детьми. Понятно, что в деревне без всякой прислуги. Она все исполняла безропотно, но милости от стариков заслужить не могла, и кончилось тем, что дед выгнал моих родителей с троими детьми из дому, не давши им буквально ничего и даже своего благословения.

В Орлове у нас были довольно богатые дальние родственники купцы Изергины, и вот один из них, Степан Ефимович, приютил моих родителей, дал им на проживание на время стоящую в огороде небольшую избу и дал место отцу моему вроде прикащика, хотя с самым скудным окладом. Это было в 1822-23 годах.

Помощью тех же господ Изергиных отец мой начал строить свой небольшой дом в соседстве с ними в городе и, как видно, перебрался в одну половину его около 1826 года. А другая половина еще устраивалась, но в ней не жили, в это время родился и я на свет Божий, первый в новом доме 15 января 1827 года.

БЫЛ ОДИН СЛУЧАЙ...

Воспреемниками моими были тот же благодетель наш Степан Ефимович с девятилетнею дочерью своею Дарьею Степановною, дай им Господи Царство Небесное. Это они сделали как по собственной необыкновенной доброте своей, так и из любви к моей матери, которую за кротость ее полюбили искренне все соседи и вели до смерти ее с нашим домом хлебосольство.

Покойная моя крестная мать впоследствии рассказывала мне, что, пришедши на крестины, в ожидании священника они бегали и играли с моими братьями в неотстроенной половине дома, и она потеряла в щепках принесенный для меня крестик, почему и пришлось заменить другим.

В младенческом возрасте моем был один случай, ночью я очень заплакал и усиленным криком разбудил бывшую со мной старуху няню, той пришлось по неволе идти за молоком в нижнюю, нежилую половину дома, но вошедши она увидела, что лавка с находящейся на ней квашенкою и другими предметами и даже пол горит, и только вовремя захваченный пожар был прекращен домашними средствами, а спустя несколько минут дом сгорел бы неминуемо. Впоследствии вставки на полу вместо сгоревших [досок] всегда напоминают этот случай, и спасение дому мне приписывали.

Через год после меня родился брат Алексей. И когда мы были оба уже на своих ногах, вероятно, я был на третьем году, то все еще сосал соску (рожок) и, как видно, очень любил ее, что никак отучить не могли (зародыш любострастия). И вот однажды мне очень понравился молоток с двумя острыми круглыми рожками, не знаю, для чего такой оригинальный имелся по хозяйству. Я стал играть им, но, видя, что он мне очень нравится, мне не стали давать его. И когда я просил настойчиво, то мне предложили сменять его на соску, на что я, разумеется, тотчас и согласился. Для этого устроили церемониальное шествие всей семьей из комнат в нужник, с таким уговором, «что вот пойдем соску бросим в нужник, а тебе отдадим молоток». Затем все отправились вместе со мною, и как я мал не был, но заметил, что в нужник бросили одною рукою камушек или что-то такое, а соску другою рукою скрыли позади себя, но, бывши удовлетворен получением понравившегося молотка, я пренебрегал тогда все остальное.

Отвыкнуть же от соски, вероятно, так же было трудно, как взрослому от табаку или вина. Молоток не удовлетворял этой потребности, а другой соски мне не давали, и вот я поневоле в отсутствие взрослых отнимал соску у брата Алексея и сосал пока не придет кто-нибудь, а он отчаянно в то время плакал. Однажды с соской я от него спрятался за двери, чтобы он не лез

с криком за нею, а как вошел кто-то, то я и швырнул в братишку соскою.

Я помню, когда мне прививали оспу в том же возрасте, и помню, как однажды мать моя, сидя у стола, шила для меня из красного полосатого ситцу жилет и чтобы посмотреть работу, меня интересующую, я поднимался на цыпочки, так как глаза мои еще тогда были ниже поверхности стола.

Я помню, что, смотря вверх на взрослого человека, я соображал, что как ему далеко видно с такой возвышенности, и потом думал, что если он упадет при такой вышине, то как ему больно достанется, тогда как я падаю часто и так как близко от полу, то мне не очень больно.

Я помню многие мельчайшие подробности из этого возраста и помню, что я понимал тогда уже очень многое верно и здраво, но только не имел случая или не мог объяснить это старшим.

А любимый молоток мой скоро был причиною несчастия: в одной комнате у нас был отгорожен чулан, в нем стояли по сторонам на полу сундуки, а над ними к потолку устроены были полки, чулан освещался только дверью в комнату, когда она была открыта, а другого света в нее не проникало. Случилось матери моей подняться на сундук, чтобы достать что-то с полки. Она была босиком, и потом, обратно спускаясь на пол, тяжестью всего тела ногою попала на острый рожок молотка, стоявшего подле сундука

вверх рожками, которого она в темноте не видела. И рожком пронзила себе ступню ноги, от подошвы сквозь до поверхности, а толщина рожка равнялась толщине обыкновенного карандаша, и затем, кроме нестерпимой боли, матери моей пришлось несколько дней пролежать в постели и потом долго прихрамывать, а молотка с тех пор я уже не видел и не желал видеть. Мне сильно жаль было матери, и мучило раскаяние, как бы это была моя вина. Вероятно, мною был оставлен в чулане любимый молоток.

Не помню, когда во мне появилась страсть к лакомству, свойственная, конечно, многим детям, но я чувствовал ее в себе долго (и кажется до употребления крепких напитков) в сильной степени и, думаю, это потому, что лакомства доставались очень редко и случайно, а потому и было к ним сильное влечение.

Когда мне было 4–5 лет, тогда случайно одного какого-то проезжего торговца пряниками застигла в Орлове весенняя распутица. Он оставил отцу моему несколько коробок с пряниками и мешков с орехами на хранение до летней дороги. Все это, разумеется, было крепко заперто в амбаре, и мы даже не знали о существовании этой поклажи, но как наступили очень теплые весенние дни, то пряники, не бывши достаточно сухими, начали плесневеть и вовсю портиться. Тогда пришлось отцу поневоле отпирать амбар на целые дни и рассыпать пряники для просушки. Но это было уже опоздано. Пряники испортились, получили

Группа детей. 1909 г.
Фото С.М. Прокудина-Горского

горьковатый вкус. Мы ели их много (разумеется, без дозволения), но они наскучили, стали казаться невкусными. И вот старшие братья составили совет, как бы достать грецких орехов, а мешки с орехами были зашиты и крепки, лежали близко у входных дверей. Орехов поесть желательно, а как достать не знают, и идти за этой кражей никто не смеет, попадутся – так беда, отец строгий. Вот и решили, пользуясь моей глупостью, послать меня. Дали мне большой острый нож

и полоскательную чашку и меня отправили, а сами скрылись за баню ожидать добычи. Амбар был затворен, но не заперт, я притворил его немного, чтобы только пройти, и первый на виду мешок ударил по боку ножом, и орехи от давления верхних мешков тотчас посыпались на пол. Я подставил чашку, и она живо наполнилась, мешок оставлен разрезанным на самой дороге, и я благополучно возвратился к старшим братьям. Орехи ели на крыше бани и мне сколько-то досталось, помню, орехи вкусные. Не помню следствия и суда по этому делу, а знаю, что я не был тут привлечен к ответственности, вероятно, потому что по молодости и скромности моей на меня подозрение не падало, а братья не выдали, но я и действовал, не понимая сущности преступления, бессознательно и без страха.

В ту же, кажется, зиму увезли в Вятку дядю моего Гавриила Калинича сдавать в солдаты и, бывши рекрутом, на обратном пути он гостил у нас с забритым лбом и стрижеными волосами, в казенном коротеньком полушубке. Я помню, как молились, провожая его, и плакали, а отец мой как крестный его благословлял.

Осенью следующего года выдавали замуж мою крестную мать Дарью Степановну за Якова Федоровича Гвоздева. Свадьба была очень богатая, весь город был в гостях, множество экипажей, а простому народу во дворе невесты подавали вино, пиво и раздавали ка-

лачи. А так как дом их находился с нашим домом в ближайшем соседстве, то и я отправился на свадьбу к крестной (родители мои были там же). Но, не доходя до дому, встретил такую массу простого народа, что во двор попасть не было возможности. Мне только какой-то добрый человек из сожаления дал рог от калача, с которым я и возвратился домой со свадьбы.

ОБРАЗОВАНИЕ

Зимой 1833 года мне минуло шесть лет, а с весны началось мое образование. Меня отдали учиться к попадье Анне Кондратьевне, жене нашего приходского священника, духовника и законоучителя о. Михаила Стефанова, женщине очень бойкой и внимательной. У ней я учился до каникул 1834 года, а потом поступил в приходское училище, год учился тут. В 1835 году с каникул переведен был в 1 класс уездного училища. Осенью приехал в Орлов для ревизии директор Вятской гимназии и училищ г. Малиновский, давно не бывавший в Орлове, и ему представили меня с товарищем моим Константином Жаворонковым как первых учеников с необыкновенными способностями. Почему-то ему вздумалось не в пример прочим и вопреки порядку перевести нас тогда же во 2-й класс, по уверению учителей, что мы догоним прочих учеников до будущих каникул, в чем они и не ошиблись. В 1836 году нас перевели в 3-й класс, а в 1837 г. мы окон-

чили курс уездного училища. На экзамене был тот же директор, дал мне лучший аттестат и когда узнал от отца, что тот намерен пустить меня по ученой части, то просил поместить к нему в Вятскую гимназию, мне было тогда 10,5 лет от роду.

Отца моего очень льстили мои успехи, и за то он любил меня лучше всех остальных в его семействе, он хвастался мною перед всеми знакомыми, принимал в гости учителей и входил в знакомство с интеллигентными людьми того времени.

Почти на всех годичных актах сочинялась законоучителем речь, которую я читал наизусть публично, эту же речь заставлял меня отец читать дома в присутствии гостей и, разумеется, всегда восхищался моим чтением.

Отец любил меня потому, что я был гораздо скромнее моего ровесника брата Алексея. Он меня немножко баловал или поощрял мое старание к учению. Так, например, уходя в класс на весь день, по отдаленности училища нам с братом обыкновенно выдавалось на обед по грошу. Мы покупали по калачу, а были случаи, хотя и редко, что отец давал нам и более. Но я помню два скверных случая, о которых стыдно и даже не хотелось бы рассказывать.

Где-то мы играли во дворе, отец посылает за мной, я прибегаю, не зная, зачем зовут, а тут сидят несколько незнакомых гостей, хорошие люди. Отец предлагает мне говорить речь, а я молчу. Не потому,

что сконфузился, нет, этого со мной не бывало, а так, пришло какое-то упрямство, может быть, потому что гости незнакомые. Отец повторяет снова свое предложение. Я стою, молчу. Понятно, что этим он компрометируется. Ему стыдно за свое хвастовство. Что же остается делать? Понятно, употребить родительскую власть, что я и должен был ожидать. Он вызывает меня в особую комнату и взволнованно нежно говорит: «Офоня! Мне неловко, стыдно, я просил их послушать тебя, прочитай, пожалуйста!» и дает мне гривну (3 копейки серебром). Не могу и ныне без слез вспомнить моего глупого поступка, что я вынудил отца подкупать меня вместо беспрекословного послушания. Я заплакал, а гривну все-таки взял и, проплакавшись, предстал перед гостями и речью заставил всех восхищаться. Речи эти сочинялись умно, но и рассказывал я их ораторски.

ПРИСТРАСТИЕ К ЛАКОМСТВУ

Другой случай несравненно сквернее: гривны эти, хотя получались очень редко, но тем хуже меня портили и порождали пристрастие к лакомству, я уже знал, что на гривну дают 0,25 фунта жимков, а слаще их ничего нет и на свете, они пекутся на меду, белые и довольно сухие, что мне особенно нравится.

И вот в одну летнюю ночь мы спали на полу все в одной комнате, а неподалеку под скамейкой стояла

Н. Семаков. Славельщики. 1910 г.

шкатулка с деньгами, по возвращении только что брата с ярмарки. Она была заперта, но ключ был в замке. Я почему-то проснулся, и вдруг в башку попала небывалая мысль посмотреть и достать что-нибудь из шкатулки. Я тихонько приподнялся, отпер шкатулку и достал серебряный гривенник (10 копеек серебром), потом начинаю закрывать, слышу шелест, оглядываюсь, а отец смотрит на меня с кровати, стоящей в той же комнате. Крышка из рук опустилась, и я упал под

одеяло, ни жив, ни мертв, ну, думаю, завтра разделка! И следовало бы мне задать тогда хорошую трепку. Я, может быть, не сделался бы впоследствии вором. Но отец промолчал и никому не выдал этой тайны, за что я искренно был благодарен, иначе он убил бы меня в глазах семьи, так мне было стыдно за мой проступок. И после этого я все ходил как бы обличенный преступник, ожидающий наказания, и отец не был ко мне ласков, но представился мне случай опять сделать ему удовольствие прочтением речи для гостей, и он с благодарностью мне объявил прощение и тем облегчил мою совесть.

ОТЕЦ

Отец мой любил молиться дома. Не пропускал воскресных и праздничных служб, иногда за всенощной читал шестопсалмие, также и меня почти каждую службу таскал с собою, а церковь от нашего дому была далеко, и часто доводилось шествовать за ним по глубокой грязи или снегу; говеть приучили нас ежегодно с восьмилетнего возраста.

РОЖДЕСТВО

В Рождество мы ходили славить во все богатые дома, где только принимали. А так как я везде читал речь, сочиненную для Рождества, то мне давали не в пример больше других славельщиков. А крестный

отец давал мне всякий раз целковый (серебр. рубль), но все эти деньги, а также и дареные на именины, хранились в сундуке у старшей сестры и отбирались к Котельнической ярмарке (1-го марта). Там покупался ежегодно кусок нанки с этикетом: «добротой Никиты Зимина» и к Пасхе нам шили из нее по сюртуку, это была единственная обновка на весь год.

НА РЫНКЕ

Отец мой водил меня с собою на рынок, отправляясь за провизией. Так как он был человек очень уважаемый в среднем сословии, то ему приходилось постоянно останавливаться с встречными и говорить долго, чрез что я и знал почти всех граждан по имени и знал, кто, где живет, а с богатыми знакомство нам было недоступно. Только одни господа Изергины по милости своей были столько снисходительны, но, впрочем, многим из них случалось обращаться к отцу за советом как к человеку умному и благонамеренному.

ПЕЛ АЛЬТА

В последние два года моего ученья я был выбран в соборный певческий хор и пел альта, но теперь и нот не помню. Еще какой-то странствующий артист давал какой-то кошачий концерт, я и в том принимал участие, был два-три раза на репетиции, дул в свистульку,

Воскресенский собор в Вятке. Нач. XX в.

сделанную из гусиного перышка, а в концерте дул в какую-то красивую свистульку, концерт этот давался тоже в училище.

ПРИЕЗД В ОРЛОВ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

В 1836 году проезжал через Орлов наследник Цесаревич Александр Николаевич; город ремонтировали, чистили, делали тротуары, готовили иллюминацию и ждали. Приезд предполагался вечером. Улицы запружены были толпами народа, но Государь-наследник приехали на рассвете, и я проспал под тротуарами (было весною), а когда проснулся, только увидел пыль от проехавших экипажей и слышал не умолкающие отдаляющиеся крики «Ура!». На другой день предполагалось мне петь в хору, в соборе и видеть Наследника, но почему-то меня не повестили, потом я видел, как перевозили его через реку на лодке. Гребцами были купцы, а на берегу толпы народа кричали «Ура!» и бросали к верху шапки.

СИРОТСТВО

Зимою 1836/37 года дом наш посетило несчастие: к нам привезли из деревни для лечения больного тифозною горячкою родственника и от него почти все семейство перележало в горячке по два и три человека

в раз, мать ухаживала за всеми до изнеможения. Наконец, слегла и сама и 9 января 1837 года после причастия Святых Таин во время соборования вечером скончалась на 40-м году жизни, в то время я лежал больной на печке, и только два раза спускали меня с нею проститься.

Семья осиротела: отец остался сорока лет, детей семеро, братья: Василий 18 лет, Павел 17, Алексей 9, я – 10, сестра Екатерина 14, Анна 3, Евдокия 1 года; хозяйки нет, дом опустел, отцу необходимо было жениться, и он стал подыскивать подходящую партию.

РЕКРУТСКАЯ ОЧЕРЕДЬ

Надо заметить, что отцу не удалось разжиться, хотя он из прикащиков давно уже сделался чем-то вроде комиссионера или самостоятельного торговца, но все же на средства благодетелей наших господ Изергиных; а нажива его была не покрывающая семейных расходов и с каждым годом долг его Изергиным увеличивался, а те помогали ему, не сколько за его услужливость, а более из любви к нашей матери, со смертью же ее эта протекция уничтожилась, оставалось одно сочувствие к семье и сожаление.

К тому же явилась необходимость для избежания рекрутской очереди, перечислиться из крестьян в купцы. Это ходатайство и начато отцом еще с 1836 года, но тянулось за разными формальностями

и недостатком средств на крупные взятки, да и деду нашему не хотелось уволить отца из крестьянского общества и его семейства, в котором по ревизии мы еще числились. Когда отец просил на сходке увольнительный приговор от сельского общества, и оно беспрекословно соглашалось дать, то дед, бывши тут же, не соглашался и даже расстраивал общество. Отец мой после бесплодных убеждений старика взял его в охапку и вынес вон из сельской избы, а без него и приговор был подписан. Дед был прав с патриотической точки зрения, он убеждал отца отдать одного из детей в солдаты и тогда уволил бы охотно, но, может быть, дед делал это из мести и зависти, видя, что прогнанный им сын живет в городе лучше деревенского и пользуется почетом.

Отец же имел возможность уклониться от рекрутской повинности перечислением в купечество, стремился к этой цели, что льстило и покойную мать. Понятно, что отдать сына на 25 лет на тиранство ей жаль было, а более всех тяготила эта обязанность брата Павла, на которого по закону и семейным обстоятельствам ложилась эта очередь.

УЛУЧШЕНИЕ СРЕДСТВ И УМЕНЬШЕНИЕ СЕМЬИ

Для улучшения средств и уменьшения семьи крестный мой отец взялся отправить брата Василия

при своих товарах в Петербург и там оставить у кого-нибудь на службу, что и сделали при открытии навигации. А меня, как и ранее предрешено было, пустить по ученой части за мою даровитость и блестящие успехи, то крестный согласился отправить на свой счет для определения в Архангельскую гимназию, что и предстояло сделать после экзамена по окончании курса. А затем и остальных братьев отправить в Петербург на службу в следующие годы, когда брат Василий будет пристроен, и через него легче будет пристраивать остальных.

БРАТЬЯ И ТОВАРИЩИ ДЕТСТВА

Росли мы парами: брат Василий и Павел были погодки, также и мы с братом Алексеем, но только странный между нами был контраст, мы с Василием были скромны и, пожалуй, умны, а Павел и Алексей были страшные шалуны, и потому доставалось им от отца много побоев. Я рассказал бы по этому случаю много подробностей, но так как они не относятся лично к моей жизни, то буду говорить только касающиеся.

От брата Алексея я терпел очень много, он меня часто колачивал, но я его любил, как и прочих, и всегда старался скрывать его шалости, защищать и не выдавать. У него была охота до голубей, но так как ему ничего не позволялось, то он и хранил их кое-где, не на виду у отца. Они жили в чердаке над крыльцом, куда

Группа детей. 1910 г.
Фото С.М. Прокудина-Горского

он и лазил или по углу крыльца или с чердака дома. Однажды угораздило его оборваться с голубятни, и в глазах моих он полетел оттуда на крышу крылечка. Не удержавшись на нем, упал на деревянный мост, настланный около крыльца, и, разумеется, ушибся очень больно, так что и встать не может, а плакать не смеет. Еще боится, чтобы отец не увидел. И вот, чтобы скрыть это, я собрал наскоро удочки и повел его на реку, где он и пролежал, а я в то время удил рыбу, что составля-

ло нам единственное удовольствие и частое упражнение в каждое лето сверх игры в мяч и бабки.

Главными товарищами нашего детства были соседи и ровесники наши Филипп Степанович и Михаил и Николай Васильевичи Изергины, дети лучших семейств и благовоспитанные, а много было и разных так называемых уличных мальчишек.

В этой среде, а также и в училище, мне пришлось наслушаться и поневоле запомнить много самых неприличных выражений, каких в нашем доме я никогда бы не услышал. Пришлось слышать и иметь какое-то смутное понятие о том, что называется развратом, вообще, так сказать, среда эта положила начало нравственному разложению и избежать этой среды или избавить от нее никому и в голову не приходило.

Старшие по своей высокой нравственности не могли и иметь подозрение к своим недорослям, а кольми паче к малюткам, и даже тогда уже в виде шутки предназначались нам всем невесты соответственного нам возраста. Моею невестою считалась соседка Марья Павловна Шамова, и, говорят, что я крал у сестры лоскутки-наряды для кукол и носил к ней, но я этого не помню, а помню, что особенно святое чувство приязни я питал к ней и впоследствии, так как она была девушка красивая и очень скромная.

А брат мой Павел по милости этой же среды и одной соседки даже пал в пропасть разврата в 17-летнем возрасте, как он после мне рассказывал. Старший же брат Василий тогда же посылал записки к одной милой соседке со мною, но по счастью его вес-

ною отправили в Петербург, и переписка их кончилась без вредных последствий, но для меня эта школа была слишком рановременна.

ОПАСНЫЕ СЛУЧАИ

Господь хранит младенцы! Так и со мной при всей моей скромности в детстве были два опасные случая. Однажды зимою я шел из училища, разумеется, скромно по краю дороги, так как тротуары не расчищаются. Мимо неслось множество лошадей с порожними санями из-под проданного хлеба. Одна из этих лошадей, бывшая без ямщика, своротивши с дороги, сбила меня с ног под сани и тащила меня под передком саней более 50 сажен, когда увидели посторонние и остановили безумно мчавшихся мужиков и меня освободили из-под саней без малейшего вреда, может быть, потому что я был в тулупе. Другой раз я ехал на санях со спущенными на бок ногами, и их страшно придавило встречными санями, но ноги уцелели – Господь сохранил их до другого времени.

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ПРЕПОДОБНЫХ ЗОСИМЫ И САВВАТИЯ

Наступил июль 1837 года, время отправки моей в Архангельск; мне выправили документы, кое-как поправили убогий костюм, сестра сшила мне две коленкоровые манишки, а из обрезков коленкора сшила

косынку носить вместо галстука. Отец попросил какого-то убогого маляра списать с меня портрет, сохранившийся и доныне; и на одной из телег с отправляющимся в Устюг хлебом устроили мне кибитку, покрытую рогожкой, а под меня в телегу положили два десятипудовых куля с мукою, чтобы провоз мой обошелся недорого. Отцу моему, видимо, тяжело было отправлять сироту, своего любимого малютку, в первый и, может быть, в последний раз из своего дому. Он накупил мне много лакомств, напекли пирогов на дорогу, и дал мне в благословение маленький карманный образ преподобных Зосимы и Савватия, который сопутствовал мне с тех пор и по сие время. Видимо было, что он передал меня их попечению однажды навсегда, и они заступили место моих родителей и защитников на всю жизнь.

ДОРОГА В УСТЮГ

Отец мой проводил меня из города несколько верст по тракту пешком и потом, расставшись, долго еще смотрел вслед удаляющемуся обозу и крестил издали. А прощанья с братьями и сестрами я совершенно не помню, и, кажется, мы все не сознавали достаточно своей разлуки и сиротского положения. Наше семейное счастье и единство похоронено в могиле матери, при жизни ее и мысли не было об удалении сыновей из

дому, а тут уж стало все равно, где бы кому ни скитаться.

Путь от Орлова до Устюга расстоянием 360 верст идет большею частью лесами и малонаселенною местностью. Обоз наш шел более 10 дней, и тут со мною был очень опасный случай. Ехавши лесом по болотистому месту, где дорога была выстроена из фашинника в роде сплошной деревянной настилки, а по бокам ее канавы и сплошное болото, среди жаркого дня обоз тянулся тихонько, а извощики шли пешком за передними возами. Моя кибитка шла в середине обоза, я спал, спрятавшись от солнечного жару в кибитке, а лошадь почему-то уклонилась с середины дороги на край, может быть, искала удобного места напиться и, вероятно, так и шла по краю; так что телега обоими колесами сошла в канаву и опрокинулась в болото, а кули с мукою как были не привязаны к телеге, то и стали придавливать меня к кибитке, наполнившейся уже до половины болотною водою. Вылезть из-под кулей было невозможно, через четверть часа в таком положении я мог или утонуть в кибитке, или быть задушенным, но, по счастью, извощики вскоре оглянулись и поспешили спасти меня от погибели.

Мука была адресована в Устюг купцу Ивану Семеновичу Соболеву. У них в доме я и прожил неделю, пока прибыли еще остальные транспорты с мукою, бывшие сзади. Муку всю погрузили в судно, на котором я и поплыл в Архангельск.

Великий Устюг
Открытка нач. XX в.

НЕУДАЧНОЕ ПОСТУПЛЕНИЕ В ГИМНАЗИЮ

Продолжать учение, разумеется, было бы все равно, что в Архангельской, то и в Вятской гимназии. Вятка всего в 52 верстах от Орлова, тогда как до Архангельска – 1000 верст. Но меня решились потому учить в Архангельске, что ученье предполагалось на счет крестного отца, а он вел торговлю с Архангельском, имел там постоянную квартиру и сам живал летами по несколько месяцев, а потому и содержание мое обошлось бы сравнительно дешевле.

Приплывши в Архангельск, крестного я уже не застал. Он отправился в Петербург, где также имел торговлю. Уезжая из Архангельска, он просил брата своего Василия Ефимовича определить меня в гимназию. Директор принял его любезно, пересмотрел мои документы и предложил сесть писать прошение, тот и начал писать с диктовки и когда пришлось писать уже мое имя, то и спрашивает: «А звание мальчика нужно прописать?» – «Как же, а какого он звания?» – «Государственный крестьянин». – «Ах, извините, а я думал, что это сын Ваш – крестьянина принять нельзя, вышел указ не принимать». – «Да как же в Вятке его хотели принять, и он ехал сюда нарочно, так далеко!» – «Это, вероятно, было раньше, а указ получен еще не далее 2 месяцев, извините, пожалуйста, никак принять не можем». – «Но у них подано уж прошение

Мужская гимназия в Архангельске
Открытка нач. XX в.

о перечислении в купечество и, вероятно, не замедлят перечислением».

Директор задумался и потом говорит: «Знаете что, принять мы его все-таки не можем, но я Вам посоветую отдать его здесь на год в немецкую школу, он выучит немецкий язык и следующие предметы и, если он будет перечислен в купеческое сословие, тогда мы уже примем его во 2 класс гимназии, потому он ничего не потеряет».

НЕМЕЦКАЯ ШКОЛА

Изергину больше ничего не оставалось делать, как поблагодарить, уйти и написать крестному в Петербург, как тот сам решит распорядиться, потому что ученье в немецкой школе представляет уже непредвиденные значительные издержки.

В немецкой школе мадам Дрезден уже учился старший сын крестного Иван Степанович, и вот мы с ним стали ходить вместе в школу, а через 2 месяца приехал и сам крестный, который, посоветовавшись со знакомыми немцами, решил взять своего сына из школы по бездарности, выражаясь так: «Живет, хлеб по-немецки умеет звать, будет учить». А меня он оставил на зиму до будущего своего прибытия у мадам Дрезден пансионером и сверх того просил своего приятеля Андрея Августовича Пеца наблюдать за мною и платить деньги помесячно в школу.

Пансионером я был с сентября и по июнь в семействе мадам Дрезден, очень почтенной и доброй старушки, с нею жили тогда и были учительницами в школе две ее пожилые дочери от двух браков – Евгения Филипповна Риник и Маргарита Петровна Дрезден – и пансионеркою была молоденькая барышня дочь генерала Эссен – Мина Егоровна. В этом обществе я жил и обедал, а для ночлега мне была отведена особая комната в мезонине, и тут же жила и присматривала за мною старая няня со скорченною рукою.

В школе я считался сыном богатого купца, тут же училось от 20 до 30 детей младшего возраста, большею частью немцы и в числе их были нынешние главные негоцианты Эдуард Абрамович Фонтейнес и Эммануил Вильгельмович Брант, оба они моложе меня 4 годами.

Переход из уличной среды, полукрестьянской почти необразованной семьи в благородное цивилизованное семейство был очень резкий, но надо мною постарались, и я скоро усвоил приемы благовоспитанного мальчика, тем более что я постоянно был в их семье и они водили меня с собою по праздникам в гости, в клуб и даже в немецкую церковь, а сверх того по обязанности я должен был посещать семейство моего опекуна Андрея Августовича Пеца, семейство очень большое и также благородное, хотя профессия его была только булочная.

В клуб меня брали с собою потому, что содержательницею была сестра мадам Дрезден мадам Зантер и чтобы мне не оставаться дома скучать одному воскресный вечер. И потому в клубе я слушал музыку и смотрел на танцующих как домашний человек, и даже один раз смотрел тут же любительский домашний спектакль. Это в первый раз в жизни мне пришлось видеть театр, о котором я вообще не слыхал, живши в уездном городишке.

Учился я блестящим образом, и в течение года читал, писал и говорил по-немецки все общеупотребительные фразы чисто и верно. Мадам Дрезден восхищалась моими способностями и успехами. Кроме ученья в ее школе, зимой я посещал еще вечернюю школу господина Унтита, а в свободные часы меня выучила няня клеить из бумаги разные коробочки и пеналы, украшенные цветной бумагой и бордюрами.

Но среда эта, школа и успехи по неопытности моей поселили во мне самомнение и гордость, которые вредили мне во всю последующую жизнь. Тогда же заметить и предотвратить было некому, и вот начались вредные последствия.

ЖЕНИТЬБА ОТЦА

Зимою я получил уведомление от отца, что он женился и предлагает нам относиться с почтением

Немецкая слобода в Архангельске
Открытка нач. XX в.

к нашей второй матери Глафире Ивановне. Здесь можно, кстати, заметить, что желательной партии отцу найти по случаю большой семьи не пришлось, и он взял девицу 26 лет в Котельниче у одного семейного и бедного мещанина Ивана Петровича Куршакова, и расходы по свадьбе окончательно расстроили его состояние. Девушку эту также польстили обманом против воли отца, что сватает ее орловский купец, человек, хотя семейный и пожилой, но очень умный и с состоянием. Этот обман был причиною многих неприятностей для отца до самой его смерти и постоянным укором со стороны мачехи.

По получении письма Е.Ф. Риник хотелось, кажется, написать ответ моему отцу, она спрашивает меня, как зовут моего отца по батюшке, но мне почему-то стыдно сделалось сказать, что отца моего зовут Василий Калинич; ну что такое Калина, думаю, ягода, а имя – деревенщина, стыдно, неприлично. Я замялся, покраснел, молчу, она повторяет. Я говорю, что не помню, понятно, не верит, допытывается, ну тем и кончилось, что не сказал.

ПРИЕЗД ОТЦА В АРХАНГЕЛЬСК

Затем наступает весна, открывается навигация, приплывают вятские барки. Мне сообщили, что отец мой и брат Павел приплыли на барках в Архангельск, я намеревался в первое Воскресение идти повидаться,

но сверх ожидания вдруг во время класса входит в классную комнату мой отец, одетый сверх сюртука в обыкновенный армяк, какие поныне носят вятские крестьяне. Армяк новенький. Не могу и по сие время без содрогания вспомнить этого несчастного момента. Я готов был лучше сквозь землю провалиться, чем видеть отца при товарищах в таком костюме. Я даже не пошел с ним здороваться. Доложили Е.Ф. Риник. Спрашивает: «Кто такой?» Оказывается, папенька Булычёва – это богатый вятский купец – деревенский мужик, но по обыкновению приказывают всем детям встать в знак почтения, а мне выходить здороваться. Потом нас пригласили в особую комнату, и до окончания класса я уже не выходил. Затем пошел с отцом в квартиру Изергина, и решили в школу более не показываться. Вот насколько стыдно мне стало своего звания – себя самого.

Отец мой приехал тогда, кажется, чтобы только повидаться со мной, любимым сыном, и поехать в Соловецкий монастырь. Брат Павел в качестве помощника водоливу на барке, почти простого работника, прибыл для приискания службы и вскоре поступил в мучную лавку купца С.М. Рынина, прослужил тут одно лето, а на зиму возвратился домой.

Отсроченный для поступления в гимназию год прошел, а перечисления в купечество у нас еще не последовало и не виделось близкой надежды на перечисление. Что оставалось со мной делать? Оставлять еще

в немецкой школе было почти бесцельно, да и крестного нежелательно было обременять бесполезным расходом. Отец отправляется благодарить мадам Дрезден за воспитание и посоветоваться, но та, бывши очарована моим скромным поведением и блестящими способностями, убедительно настаивает оставить меня еще в школе. Отец признается, что ему не по средствам, а крестного обременять не желает. Тогда она предложила ему оставить меня у них на 5 лет, рассчитывая учить меня еще 3 года в большой немецкой школе и потом определить в одну из немецких контор, где она надеялась в остальные два года возвратить из получаемого мною жалования издержки за мое воспитание.

Отец обратился ко мне за советом. Понятно, что представлялась, можно сказать, блестящая коммерческая карьера, но я тогда по гордости своей отрицал ее и, стесняясь оставаться в среде моих товарищей, уверял отца, что я уже все у них выучил и больше тут учиться нечему. А он, не зная толку в науках, мне верил, а может быть, надеялся прежде пяти лет получить через меня материальные выгоды, в которых уже нуждался. Так и решили покончить мое образование.

Набережная в Архангельске
Открытка нач. XX в.

Храм Покрова Божией Матери в Вытегре. 1909 г.
Фото С.М. Прокудина-Горского

В ПЕТЕРБУРГЕ

Брат Василий, отправленный в прошедшем году в Петербург, помещен крестным моим в прикащики в один из лучших торговых домов братьев Полежаевых. Это давало повод и меня отправить в Петербург на коммерческую службу, причем крестный мой и тут явился нам благодетелем и опять на свой счет взялся отправить меня из Архангельска в Петербург и протежировать при приискании службы.

Меня отправили из Архангельска при караване с рыбою семгой, который следовал с перевалкою с судна на телеги и потом опять в судно. Последняя погрузка была в Вытегре. Оттуда мы отправились чрез Онежское озеро и следовали Свирью, ладожским каналом и Невою до Петербурга; прибыли в конце августа.

Крестного застал я в Петербурге на короткое время, и он не успел лично поместить меня куда-нибудь на службу, а потому оставил меня у своего комиссионера нарвского купца Алексея Ивановича Ралова, урожденного крестьянина Архангельской губернии, человека необразованного, из простых артельщиков, занимавшего в линии Васильевского острова очень большую квартиру в бельэтаже. Ралов обещал ему приискать для меня приличное место в каком-либо магазине, но заваленный массою комиссионерских занятий от купечества Архангельской, Вологодской и Вятской губерний и всей Сибири, ежедневно находясь или в бирже, или в своем кабинете с посторонними людьми и громадной перепиской, не имел вовсе времени, да, кажется, и не думал о моем помещении куда-либо, тем более что у супруги его, взятой из мелкопоместных помещиц, по своенравности характера не уживалась наемная прислуга, и по этому случаю она тотчас же без всяких церемоний произвела меня в комнатного мальчика-лакея, для чего я оказался совершенно пригодным и бойким, то господину Ралову и не приходилось уже лишать

супругу этого удобства, да и он, впрочем, не пользовался в доме никакой властью.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ НЕПОСИЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Здесь начался для меня первый опыт тяжкой непосильной жизни в 12-летнем возрасте.

Екатерина Алексеевна по своей помещичьей привычке, прежде всего, наделяла меня ежедневно толчками, оплеухами, рваньем за уши и за волосы и всякими побоями, когда как сподручнее. Причин уважительных к этому я припоминаю очень немного, а значит, приучала к должности.

Здесь обо мне уже позаботиться было некому. Белье и платье я донашивал, привезенные из Архангельска. О чистке белья не было и речи. Спал я на полу в темном коридоре без постели. В течение 8 месяцев нахождения у Ралова я ни разу не бывал в церкви. Кажется, и дома не маливался, не бирал пера и никакой книги в руки. Обязанность моя состояла помогать горничной, по кляузам которой чаще всего и била меня хозяйка, и бегать в лавочку, в булочную, в кондитерскую, в аптеку; в школу провожать детей, а часто за неимением горничной исполнять часть ее обязанностей. Подобной же участи подвергалась служащая у них крепостная девочка лет 10. Ее звали Мунькой, а какое у нее было человеческое имя, я не слыхал и ее не спрашивал. Даже и по сие время не могу догадаться.

Помню одно, что жили мы в одном и том же грязном коридоре и столько накопили насекомых, что я в жизни не видел ни у одного самого неряшливого бурлака. По платью они ходили у нас стадами, а из галстука, проведя только пальцами, можно было доставать десятками. Собой тут заняться было некогда: будили пинками прямо на дело, а вечером до того приходилось утомляться, что один раз во время ужина гостей, когда подавали последнее кушанье, я уснул, стоя у стенки, и не слыхал, как все вышли из-за стола и проводили гостей.

Раз зимою хозяева ездили в балет, и я был взят в качестве ливрейного лакея, одет в форму, которая у них на запасе имелась, хотя мне не по росту, и довольно старая и неопрятная. Здесь я в первый раз увидел большую сцену, но по многолюдству участников не понял, что тут творилось. Представлялась какая-то ярмарка, но, впрочем, мне и нельзя было многого видеть, стоя в глубине ложи за хозяевами, а иногда и в коридоре.

В ЛИТОВСКОМ ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Дядя мой, Гавриил Калинич, отданный в солдаты, служил тогда в гвардии, в Литовском полку и жил на Выборгской стороне в казармах. Он знал, где я нахожусь, и однажды зимой пришел повидаться со мною. Выпросил меня к себе в гости ночевать в казарму, выра-

зил мне много родного сочувствия, сожаления и солдатской ласки, купил для ужина кусок вареной говядины и потчевал солдатскими щами, сваренными без мяса из одной капусты, с приправою немного сала. Помню, что мне не понравились. Пахнут свечкою сальной. Тем более что мне первый раз в жизни пришлось пробовать такие щи. Видел я их казарменную жизнь, чистку оружия и белой амуниции мелом с клеем. Все чистили, готовясь завтра в караул. А утром мы простились с дядей. Он ушел в строй на свое место, а потом пошли, и я шел подле полка, провожая их с Выборгской стороны до поворота на Васильевский остров.

Здесь я отдохнул после своей каторжной жизни, как в Раю, найдя искреннее родное сочувствие, и долго помнил эти отрадные часы в дружной среде солдатов-товарищей. Они мне все показались родными братьями. С тех пор я долго помнил литовский мундир и при встрече с каждым солдатом смотрел на него, как на родного дядю.

ВЫБОРГСКАЯ БУЛОЧНАЯ

Внизу дома, где квартировал Ралов, находилась между прочими заведениями так называемая «Выборгская булочная». В ней готовились и продавались выборгские крендели и булки, и кондитерские изделия. Содержали эту булочную два брата, ярославские мужички. Один из них – пьяный человек – пил времен-

но, но долго, запоями. В эту булочную мне приходилось почти каждый день бегать за пирожными к столу хозяевам и получать по обыкновению к купленному прибавки в свою пользу кое-какие лакомства, до которых я был страстный охотник. С хозяевами булочной поэтому я хорошо познакомился и говаривал. Люди они самые простые. Случилось из них слабому брату опять запить, и потому продавать изделия стало некому. Другой брат должен смотреть за мастерами и хозяйством. И вот он предлагает мне однажды поступить к ним для продажи изделий по 5 рублей ассигнациями в месяц на готовом содержании. Предложение меня очень польстило, а еще более – масса лакомств. Я высказался об этом у Раловых. Но куда! И думать нечего! Я им оставлен крестным и потому без него не имею права помышлять об освобождении себя из каторжного состояния. Но спустя некоторое время я сам опять выпросился в гости к дяде, объяснил ему о предложении переместиться в булочную. Тот одобрил и отправился приступом отбирать меня у Раловых, что и успел сделать, несмотря на их сопротивление. И даже потребовал для меня возобновления платья за мою службу, в чем также успел, и мне дали два довольно поношенных сюртучка, брошенные уже за негодностью их детьми, которые впоследствии дядя отдал перешить в своей ротной швальне.

В булочной я жил при продаже изделий, помогал в стряпне пирожных и так напустился на еду, ла-

комства, что они мне очень опротивели, и через месяц уже не терпел даже запаха их... в особенности – бисквитов. Набирая их покупателям из витрины в корзинку, стал отворачиваться.

А месяца через четыре дела хозяев пошатнулись. Им стало невыгодно иметь меня при продаже, потому предложили торговать в разноску. Это занятие мне уже никак не походило. Тут нужна сила носить тяжести, иметь знакомство с местностями и знание дел, так как они уже производились с отчетностью и процентами с вырученного рубля. Спасибо одному доброму товарищу, который проводил меня на острова Крестовский и Елагин, где в чаще лесов были грязные трактиры, притоны для публики и блуждающих проституток. Здесь хотя и был небольшой сбыт по моей торговле, но по неопытности пришлось часть раздавать в долг, который потом не мог собрать сполна. А притом пришлось наслушаться и видеть такие сцены, которые лучше бы не знать для сохранения души в чистоте и девстве.

Тогда же представлялся случай отправиться в Петергофское гулянье для торговли, но я не нашел попутчика ехать в ялике по взморью, и тем Господь сохранил меня от гибели. В тот раз случился на море шторм, и погибло множество [людей], отправлявшихся на гулянье.

БРАТ ПАВЕЛ

Крестный мой в это лето не приезжал в Петербург, и я вынужден был думать о возвращении на родину. Тогда, по счастью, дядю моего Гавриила Калинича уволили на побывку домой, и он решил взять меня с собой. Незадолго пред отъездом моим прибыл в Петербург на караване Изергина брат мой Павел для приискания службы и поступил также к господам Полежаевым, у которых находился уже около года старший брат Василий Васильевич на Мариинской системе. Брату Павлу назначили место на мельнице, находящейся на пороховых заводах близ Петербурга, младшим прикащиком. Он отыскал меня на Васильевском острове, посетил и пожалел о моем незавидном положении, взял от меня порожний сундучок для хранения своего имущества и хотел еще побывать, но, прощаясь со мной, горько плакал. Он, кажется, оплакивал свою и мою сиротскую долю и безотрадную будущность, а может быть и по предчувствию, что в этой жизни мы с ним больше не увидимся. Более он ко мне не приходил, а через год там и умер от эпидемической горячки, бывшей при многолюдстве рабочих на мельнице. Сначала он наблюдал по должности за больными, не заботясь о себе. А как сам заболел, то повезли его в Обуховскую больницу в Петербург, где по принятию его остригли ему волосы и положили в ванну со льдом, а из ванны взяли уже мертвым и потом с прочими мер-

твецами похоронили на Волковом поле в общей могиле без всякого особенного внимания. Все эти подробности узнал отец мой, ездивший через год нарочно в Петербург для посещения праха покойного, но ничего не нашел.

ОТЕЦ И НЯНЬКА

С дядей я пробирался домой чисто по-походному, по-солдатски, где на лодках с бурлаками, где пешком. Тогда ему приходилось нести и мою поклажу или нанимать для оной и для меня попутную лошадь, а сам шел пешком. А на лодках приходилось ему работать как свою очередь, так и за меня. Он для меня был тогда отцом и нянькой! Дай Бог ему Царство Небесное! И он тогда говорил мне: «Вот я тебе теперь служу, а когда ты разбогатеешь, а я состарюсь, то заставишь меня кур загонять». Но я, конечно, чувствовал тогда себя обязанным быть ему благодарным, а впоследствии, когда сбылись его слова о моем богатстве и его старости, то платил ему одними оскорблениями, насмешками, и не помню, чтобы хоть раз доставил ему истинное удовольствие, кроме только иногда грошовых нищенских подачек.

Домой я возвратился уже не вятчанином, а петербуржцем. Сюртуки у меня были суконные, хотя, правда, были малы не по росту и застегивались на одну пуговицу, но все же не домашние панковые. Но приезд

мой не был радостен отцу и мачехе, только мне тяготить их при их скудных средствах.

ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ И ДЕЙСТВИЯ МЕХАНИЗМА

Отец мой в эти годы для улучшения средств удумал выстроить мельницу с лошадиными силами. Вычитал в какой-то старой книжонке о механике и по чертежам, приложенным к ней, начал постройку с простыми плотниками. Сам за механика. Ни разумения, ни практики не оказалось, ни тех лестных результатов, которые обещаны в книжонке и предполагались по его расчету. Для движения и действия механизма потребовалось вместо двух лошадей – восемь, а производство помола и при этой силе оказалось самое ничтожное. Так что, работая на три смены в сутки, ему нужно было иметь и содержать 24 лошади и соответственное число рабочих для ухода за лошадьми и погонщиков. В число последних и зачислен младший брат мой Алексей.

Мельница, принося убыток, подорвала окончательно отцовское состояние и увеличила значительно бывшие его долги. Но он настойчиво решился достигнуть выгодных результатов, для чего предпринял еще постоянные разные перестройки, сопряженные с новыми затратами на счет всевозможных займов, переходя из одной крайности в другую. В это-то печальное и трудное время я и пожаловал из Петербурга к роди-

телю, где и мне могла представиться вакансия погонщика на мельнице с моими суконными сюртуками.

В КАЗАНЬ

Но отец мой смотрел на меня, как на надежду своего возрождения в будущем, и не заставлял меня погонять лошадей на мельнице, где несчастный брат мой трудился. Я все так и был у них почетным гостем, хотя и недолгое время. Так, при наступлении санного пути (в начале ноября) меня отправили по совету моего крестного отца С. Изергина в Казань для приискания службы под покровительством Константина Н. Булычёва, прикащика его, находившегося по делам в Казани. И сверх того, крестный снабдил меня письмом к своему приятелю Василию Ивановичу Романову, который, впрочем, по малолетству моему не нашел удобным поместить меня при своих торгово-хлебных и крупчато-мельничных делах.

СТРАСТЬ К ТЕАТРУ

Я жил с месяц у Константина Б., квартировавшего в номерах Жаворонкова. Здесь познакомился с мальчиком, сыном актера Полякова (известного в то время комика), а он водил меня несколько раз в театр за кулисы. И вот с этих пор во мне возникла страсть к театру. Мне показалось это занятие не мудреным, да

к тому же рядом с нашим номером квартировал какой-то юноша, тоже готовящийся на сцену, и я почти каждый день слышал, а иногда и видел, как он разучивал роль Чацкого в «Горе от ума». Видел декламацию, позы, которые он делал перед зеркалом, перемены интонаций голоса, ударения, и все это мне казалось нетрудным. Но Константин Никитич нашел мне место в книжной лавке и библиотеке для чтения Андрея Гавриловича Мясникова на Воскресенской улице, куда меня и поместили в конце ноября или в начале декабря 1838 года.

СЛУЖБА В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ

Здесь должность моя состояла в отворении дверей для приходящих покупателей, метении пола, отоплении чугунной печки, находившейся за шкапами с книгами, посылками на почту и кое-куда. А ночевать мы ходили на хозяйскую маленькую квартирку, находящуюся очень далеко, на Егоровской улице. Туда же иногда посылали меня и за обедом. А на квартире мы еще кое-что делали по хозяйству, и ездили на санках с ушатами за водой на озеро Кабан, иногда с другим мальчиком, а иногда и со старшим прикащиком Захаром Павловичем Рязановым. У хозяина же была только жена, Матрена Васильевна, и какая-то родственница, а детей и прислуги не было, и были они старообрядцы.

Весною 1840 года известили меня, что на судах господина Изергина следует брат мой Алексей, высланный из дому тоже в Петербург для приискания службы. Мне дали возможность съездить на Бакалду (на Волге) с ним повидаться. Я нашел его моющим свое белье на судне, в положении жалком, сиротском, и после этого свидания мы долго с ним не виделись.

Служба в книжной лавке была для меня как продолжение образования моего. Постоянными посетителями ея была публика интеллигентная, и мне приходилось слышать здесь суждения обо всех наших поэтах современных, всемирных новостях, политических и частных, и о произведениях литературных, а в то время литература и поэзия были в цветущем периоде. Тогда издавались, кроме газет и журналов, масса русских и переводных с французского романов и пьес, а также ежегодные альманахи и «Сто русских литераторов». Приходилось и самому мне читать многое, интересующее меня в этом возрасте, а название книг и авторов я почти все знал, какие имелись в нашей лавке. Кроме того, получались и все периодические издания того времени, так как они требовались для читателей. Хотя лавка называлась у нас и «библиотекою для чтения», но читать все отпускалось на дома по подписке. Комнаты для чтения при лавке не имелось.

Ивановский монастырь в Казани. 1839 г.
Гравюра Шлиппера

БАСНИ КРЫЛОВА

Хозяин Андрей Гаврилович был человек добрый, простой, из бедных мещан. Начал с грошовой торговли старыми книгами на толкучке и, составив многолетним старанием своим и воздержанною жизнью одну из лучших библиотек того времени, был знаток в книжном деле и даже безошибочно умел ценить и иногда критиковать литературные произведения. Умные суждения его, а иногда и споры с учеными много способствовали моему самообразованию и понятию о литературе. Я тут уже знал стихосложение и начинал писать стихи (конечно, только подражания), и рвал их.

Но недолго мне пришлось пользоваться этой школой, так как в материальном отношении здесь не представилось тех выгод, которые были необходимы для поддержания моего отца с семьею, а старший брат мой, Василий Васильевич, службою по хлебной части доставлял уже отцу пособие, что и льстило его. А потом, приехавши осенью погостить домой, брат мой окончательно посоветовал взять меня от Мясникова и по зимнему же пути 1840 года меня опять выписали в Орлов, чтоб оттуда направиться вместе с братом на службу к господам Полежаевым, у которых он и служил.

Господин Мясников за годичную службу подарил мне на прощание басни Крылова со своею подписью и печатью и очень пенял на моего отца, что тот

предпочел хлебное мужицкое дело его почтенной профессии, но должен был отпустить меня.

Здесь стоило бы описать интересную и оригинальную личность моего многоуважаемого товарища по службе старшего прикащика Захара Павловича. Но по его смерти в 18 [лет] есть напечатанный особый некролог, достаточно знакомящий с его жизнью и личностью, и потому я пропускаю это описание.

СЕМЕЙНЫЕ НЕУРЯДИЦЫ

Приехавши домой, я нашел брата своего Василия Васильевича в каких-то неприязненных отношениях к отцу, главная причина коих была следующая: в продолжение трех лет службы брат жил крайне бережливо и весь ничтожный остаток жалования в два года посылал отцу, а последний год он имел случай, находясь по крупчатой мельнице, приобресть порядочный куш, из коего передал часть отцу в проезд его из Петербурга. Приехавши домой, он нашел все истраченным и еще массу долгов. Все это по случаю постройки мельницы, которую он и возненавидел и настойчиво советовал отцу бросить эту затею. Лучше и выгоднее сжечь ее, как он выражался. А с другой стороны вместо матери, любившей его до безумия, в доме оказалась уже мачеха, что в совокупности охлаждало отношение его к отцу. Да в тоже время сестра наша Екатерина была уже 17-ти лет. Красавица (вся

в мать), она стала его задушевным другом и утешением, и я, приехавши, присоединился к их же партии, так что и спали мы все трое вместе на одной постели. Такова была патриархальность.

Сестре, как невесте, нужно было уже и готовить кое-что, и приличнее одеваться, а мачеха ревновала. Ей хотелось, чтобы тоже делали и для нее, что для сестры. Вот таким образом неприязнь возрастала.

До февраля месяца дом содержался на средства брата. В феврале его потребовали из отпуска на службу, а у него осталось денег еще до 3000 рублей ассигнациями. Это по тогдашнему времени был значительный капитал. Вести с собой их он не считал удобным и после разных советов и увещаний решился оставить все их отцу, советуя заниматься одной торговлею и наживать содержание, а сам отправился, оставивши меня покуда в Орлове.

Мы производили в это время маленькую хлебную торговлю, начатую еще братом. Отец по поручению брата заготовлял для господ Полежаевых мешки, а мельница все-таки строилась и перестраивалась и поглощала деньги. Мачеха, видя у отца средства, стала более требовательна, тем более что для трат явился благовидный предлог – приготовление приданного для любимой сестры Василия Васильевича. А к той уже начали проявляться женихи, и деньги стали исчезать быстро.

Сестру Екатерину выдали за Семена Борисовича Филимонова, служившего прикащиком у господ Синцовых, за человека хорошего, 36 лет, но больного чахоткою в первом периоде.

СЛУЖБА ПРИ ИВАНЕ ИВАНОВИЧЕ

Я в конце марта отправился тоже в Казань по протекции брата к господам Полежаевым и тут остался на службе при доверенном их Иване Ивановиче Чудинове в качестве ученика и помощника. Дело господина Чудинова состояло здесь в партионной покупке поташа, приемке его и перекупорке в прочные бочки, что производилось очень редко. Мы были почти праздны, а на моей обязанности была только покупка для себя же с ним провизии и хозяйственная часть.

Но Чудинов был человек пожилой и очень опытный по многим частям. Прежде служил он и в модном магазине, а потому любил вспоминать свое молодечество, разные интриги и похождения с покупательницами, что и во мне пробуждало уже мысль к подражанию. Этими уроками я пользовался, находясь у него в товариществе по два года. И тогда же, имея от роду 14 лет, влюбился в одну девушку — Наденьку, которую часто видел из окна через двор, живущую в одной из квартир этого же огромного дома Мельниковых, в котором мы квартировали в наших номерах.

Это я пишу как начало моих страстных увлечений, а самый роман пропускаю, чтобы не удлинить автобиографию.

Кроме того, я воспользовался и многими полезными уроками от господина Чудинова и приобрел понятие о коммерческой бухгалтерии.

НЕВЕСТА БРАТА

Брат, Василий Васильевич, зиму доживал в Челнах и весною тоже был проездом в Казани. Мы с ним ходили на Арское поле смотреть народный праздник, данный по случаю бракосочетания Государя-наследника Александра Николаевича. Тут он указал мне на одну девушку, вследствие сходства ея с его невестой, оставшейся на мельнице близ города Вытегры, где он служил год назад тому у Полежаевых. Рассказал, кстати, свои к ней отношения и происшедший между ними разлад. И к несчастью общему нашему, он отозвался здесь не совсем выгодно для ея чести. Это тоже длинный и оригинальный роман, кончившийся, однако ж, через два года их свадьбой, но здесь он пропускается.

С БУРЛАКАМИ

Из Казани назначили мне находиться в Нижегородской ярмарке при хозяевах, а для экономии в проезде отправили на расшиве, следующей с хлебом по Волге, которую тянули против течения бурлаки-тата-

Бурлак на Волге
Открытка нач. XX в.

ры, так как тогда еще пароходов не было. Путь этот был очень медленный, и я был в качестве единственного пассажира. Только был еще молодой татарин прикащик при хлебе. И вот в это время от безделья я обучил его русской грамоте и даже выучил подписывать его имя: Мунасиб Искандаров. За выучку он обещал мне 5 рублей, но не отдал.

Приближаясь к Нижнему, у татар бурлаков бежал кашевар и так как заменить его было некем, то я подрядился у них кашеварить до Нижнего, не помню, за какую плату. И тоже не получил ничего, но зато уж поел досыта, сколько хотелось. Любой кусочек мяса и любую косточку мог оглодать, так как они все на бе-

регу тянут бечеву, а я у котлов на судне оставался полным хозяином.

А расчета я не получил от них по следующему случаю. Подходя к Нижнему, у меня не достало терпения сидеть на судне, и я пошел вперед в Нижний и потом – в ярмарку, которая уже началась. Здесь по страсти своей к театру увлекся сходить в театр, ничуть не соображая о последствиях. Спектакль кончился после полуночи. Выхожу – темень, холод, а одет очень легко, потому что день был жаркий. Тут я и очутился в безвыходном положении: ни квартиры, ни знакомых нет в ярмарке. Направляюсь в город, чтобы попасть куда-нибудь, хоть на постоялый двор, и пока я шел до мосту, публика вся уже проехала, и мост разводят. Попасть нельзя. Но так как по край моста были и прежде расположены мелкие лавчонки, и тут как раз ходил сторож, добрый человек, так спасибо, он пожалел меня. Указал место спрятаться под порожний ящик из-под товара, стоящий вверх дном на мосту. И тут на голом мосту и холоде пришлось мне спать несколько часов. Проснувшись на рассвете, я выполз оттуда, но благодетеля моего уже не было на карауле, и я лишен был возможности поблагодарить его, расплатиться.

Судно я отыскал нескоро, в караване, поставленном уже у пристани на место. Бурлаки были рассчитаны, а потому и плата моя за кашеварство пропала.

Нижегородская ярмарка. Кон. XIX в.
Гравюра Рашевского

БОЛЕЗНЬ

Во время ярмарки я находился при одном из братьев Полежаевых – Михаиле Михайловиче – на разных посылках, как мальчик между прочими прикащиками, и заболел какой-то серьезной болезнью, но на меня тут некому и некогда было по случаю ярмарочной суеты обратить внимание. Советовали только пустить кровь. Но, по счастью, пригласили случайно какого-то бедного неученого лекаря и тот объяснил, что если однажды пустить кровь, то придется пускать ее ежегодно, и это вредно отзовется на всю мою жизнь, и излечил меня какими-то другими средствами. Воздай ему, Господи, за его доброе дело! Но за лечение ему, кажется, ничего не заплатили.

По окончании ярмарки я отправился в качестве прислуги с Михаилом Михайловичем и его супругою Верой Леонтьевною на передке большого летнего тарантаса через Ростов в Калязин, где их была родовая оседлость. В Калязине я опять заболел, но здесь Михаил Михайлович на свободе от дел обратил на меня отеческое внимание. Отвели мне особое помещение в свободном хозяйском кабинете и пригласили доктора, которому, осмотревши меня, хозяин сказал: «Лечите хорошенько. Парень хороший». И когда я стал поправляться, то посылали мне кушанье поварское с хозяйского стола.

ПУТЕШЕСТВИЕ С БОЛЬШИМИ ДЕНЬГАМИ

С наступлением зимнего пути у них обыкновенно отправлялись все прикащики за покупкою хлеба на разные пристани, и меня с ними отправили опять к И.И. Чудинову в Казань как ученика и помощника. Здесь, проживая зиму два раза, я был командирован в Челны, чтобы отвезти деньги другому прикащику, находящемуся там при покупке Ермолаю Матвеевичу Полякову. Путь туда – около 200 верст – лежит большей частью между татарскими населениями и нельзя сказать, чтобы был безопасен. А я ездил один, и в одну бурную ночь приехал в татарскую деревню для перемены лошадей. Явилось много желающих везти, и я, воспользовавшись этим случаем, выторговал по копейке с версты, и вместо восьми копеек (ассигнациями) подрядил по семи. Татарин повез меня в открытых санях, но сделалась страшная метель. Я закрылся с головою в длинную кошму, которая всегда с подушкою составляла почти единственный мой багаж. Проехавши до половины станции, ямщик татарин начинает будить меня:

– Бачка! А, бачка!

– Ну, что еще?!

– Я завезу тебя в сторону, в деревню.

– Ну, как хочешь, – говорю и опять засыпаю.

Татарин стоит, не едет и рассуждает сам с собою: «Экая беззаботная голова!»

Понятно, что при такой беспечности мальчика седока, можно ли подумать, что он везет крупную сумму денег!? И, может быть, моя сонливость и служила моим спасением. Наконец, татарин опять будит меня:

– Бачка, а бачка!

– Ну, что еще!?

– Да ты прибавь мне по копейке, так уж как-нибудь я довезу до станции.

– Да прибавлю, отвяжись ты! Мне очень спать хочется.

Двадцать верст не доезжая до Челнов, на пути [встает] Елабуга. Здесь я останавливался у сестры моей Екатерины Васильевны. Тут муж ея находился тоже при покупке семени для Синцовых. Тут впоследствии помер и похоронен.

В СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ НА ПОКЛОНЕНИЕ

В другую поездку мою из Казани в Челны Ермолай Матвеевич оставил меня у себя для помощи при покупке поташа и пшеницы. У него же находился тут в качестве временного помощника один бойкий местный прогорелый торгаш, пьяный человек и потому не пользующийся доверием, но знающий дело и окрестные местности. Меня командировали с ним в отдаленные степные татарские деревни для покупки пшеницы в качестве кассира. Мы с ним объехали до-

Соловецкое подворье в Архангельске
Открытка нач. XX в.

вольно широкий район Мензелинского уезда и закупили порядочные партии пшеницы, выдавши задатки татарам, и возвратились в Челны, чтобы нанять перевозчиков ее в Челны и получить деньги для расчета с татарами по количеству купленной пшеницы. Получивши деньги, снова поехали для приемки. Но приехавши в одну деревню и отправивши извощиков, я внезапно заболел лихорадкою, а на другой день нам следовало выезжать в другие деревни, куда должны были прибыть другие партии извощиков. Я отправиться не мог по случаю усилившейся болезни, а извощиков задерживать нельзя, и потому вынужден был выдать товарищу по расчету платежа за пшеницу добавочную сумму, и сам остался на печке в незнакомом татарском доме вдали от русских поселений, где мог ожидать смерти без покаяния. Но в этом, видимо, был промысел Божий. Страх смерти внушил мне дать обещание сходить к покровителям моим в Соловецкий монастырь на поклонение, так как Соловецкий монастырь был единственною ближайшею святынею у всех вятчан, и поныне тысячи их ежегодно посещают его.

После того без всяких медицинских пособий здоровье мое восстановилось, и пьяный товарищ мой возвратился через несколько дней ко мне в деревню, кончивши приемку и отправку. Я спрашиваю его, всю ли принял купленную пшеницу, но он отвечает уклончиво и говорит, что отчет отдаст в Челнах самому Ермолаю Матвеевичу. Потом говорит, что пшеница

оказалась не хороша, и потому он не всю принял, и на оставшиеся по этому случаю деньги купил для себя какого-то товару, и потому деньги отдаст в Челнах. Я должен был поневоле, скрепя сердце, подчиниться его произволу, и мы стали возвращаться обратно. Так как у него оставались деньги, он ехал постоянно пьяный. Вез при себе штоф водки, из коего и восполнял свое положение.

НЕЗАДАЧЛИВЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Проезжали одну станцию голой степью по самой узкой глубоко снежной дороге на паре лошадей, запряженных гусем, в открытых санях с ямщиком, молодым татарином. Товарищу моему вздумалось высказываться, что напрасно я сомневаюсь в деньгах, что деньги находятся при нем, и при этом он достал бумажник и разложил на коленях с синими и красными ассигнациями. А татарин ухмылялся и смотрел на невиданную им массу денег, на которую он, вероятно, и прельстился.

Проехавши еще некоторое расстояние, мы встретили ехавших на одной бойкой лошади четырех татар. И когда они разъехались с нами, то ямщик наш, сказавши что-то им, соскочил с козел, пошел, сел с ними, и наши лошади повезли нас шагом вперед. Так прошло более четверти часа, и пьяный товарищ мой сообразил, что нельзя ехать без ямщика, а ямщика

и татар по отдаленности и в виду уже не было. Товарищ решился поворотить лошадей обратно, чтобы ехать навстречу ямщику, и тут же случайно взял оказавшийся на дороге обломок оглобли около аршина длиною, а штоф с водкой отдал мне на сохранение. Возвращаясь таким образом, мы увидели издали, что все татары и с нашим едут обратно к нам навстречу. Тогда товарищ опять повернул лошадей по направлению пути. Когда татары приблизились к нам, то ямщик наш прибежал от них и сел на козлы, чтобы управлять лошадьми, но товарищ не дал ему успеть взяться за вожжи, схватил его за ворот, опрокинул к нам в сани и своими коленками встал на грудь его, а сам взялся за вожжи. Татарин заорал во все горло, на что озлобленные товарищи его старались обогнать нас на своей бойкой лошади. Но узкая дорога и глубокие по сторонам снега никак не дозволяли им это сделать. А когда разогнанная лошадь их набегала на нас, готовая заскочить в наши сани, товарищ мой ударял ее по голове обломком оглобли. Ударял и нашу коренную, и лежащего под коленами его ревущего татарина, что тех татар еще больше ожесточало, и, понятно, несдобровать бы нам, если б Бог молитвами святых угодников, коим я недавно дал обещание, не спас бы нас. Так мы мчимся по безлюдной дороге, а я сижу в уголке саней, дрожу от страха и храню у себя в коленях вверенный мне штоф водки. Наконец, является нам спасение. Мы догнали транспорт с бочками спирта — более

двадцати лошадей с русскими извощиками. Они, видя, что за нами опасная погоня, остановили своих лошадей и нам помогли объехать транспорт, а преследователей наших задержали, из-за чего те и начали, было, непосильную драку.

После того, проехавши еще некоторое расстояние в том же положении, товарищ мой увидел другую дорогу, ведущую в сторону, и своротил по ней. А уже наступили сумерки. По этой дороге вскоре мы приехали в казацкую станицу, где и представили нас атаману. Тот после объяснения с нашим ямщиком приказал арестовать его, а нас на другое утро проводить на других лошадях со своим конвоем для безопасности.

Затем мы благополучно возвратились в Челны, где Ермолаю Матвеевичу пришлось рассчитываться с моим товарищем, отбирая у него за недостающие деньги пуховик и разное домашнее имущество.

За все это, отправляя меня из Челнов в Казань, Ермолай Матвеевич написал нелестный обо мне отзыв (вероятно, для своего оправдания) хозяину Михаилу Михайловичу, находящемуся тогда временно в Казани.

В бытность Михаила Михайловича в Казани я находился при нем на посылках. Главной моей обязанностью было поить гостей чаем. Они весь день приходили по торговым делам, и хозяин не отпускал ни одного без чаю. Но только чай заваривался, смотря по гостю, – цветочный или лянсин. Простой фамильный не употреблялся, так как хозяину приходилось

и самому с гостем выпить чашку. Он, как любитель, пил только высокие сорта.

ВОДА ИЗ ВОЛГИ

Из Казани я опять командирован был в Нижегородскую ярмарку на лошадях с прикащиками и поступил к Михаилу Михайловичу, но в то же время приехал в ярмарку младший брат его – Николай Михайлович, не занимающийся делами. Побывши некоторое время в ярмарке, он сказался больным. Ему посоветовали для спокойствия от ярмарочного шума перебраться в Нижний на квартиру, для чего и взяли самую маленькую квартирку во флигеле Василия Алексеевича Обрядчикова близ Строгановской церкви неподалеку от Софроновской площади. Меня командировали к нему в прислуги. Но служить было некому. На квартире он только ночевал и утром пил чай. Потом отправлялся на весь день до поздней ночи. А на моей обязанности оставалось только принести ведерную бутыль волжской воды для чаю. Так как Нижний стоит на Оке, а Волга течет, сливаясь с Окой, по другую сторону, то я обязан был каждый раз идти ниже слияния рек. Нанимал тут лодку, выезжал на середину Волги и тут наполнял бутыль волжской водой, что стоило труда, и неудобства, и расхода. Я сперва так и делал. А потом, когда наскучило, стал спокойно носить воду с Оки, заметивши, что хозяин не узнает разницы, и на

Суда на Волге
Открытка нач. XX в.

здоровье его она не производит никакого влияния. Он здоров по-прежнему и сказывается больным только в оправдание своего безделья.

После Нижегородской [ярмарки] меня отправили с прочими прикащиками в Колязин, как на сборный пункт, а оттуда по первому зимнему пути командировали с Иваном Григорьевичем Полежаевым в Промзино для покупки пшеницы.

ОПАСНЫЙ СЛУЧАЙ

Дорогой со мной был также опасный случай. С нами ехали еще два прикащика в открытой кошеве, и потому я должен был сидеть всю дорогу с ямщиками на козлах. Ехавши таким образом, случилось ехать по аллее между березами, окаймляющими трактовую дорогу. Коренная была запряжена с высокой здоровой дугой. Эта дуга зацепилась за толстый длинный сук березки и натянула его, как лук. Когда напряженный сук сорвался, то ударил меня по лбу так сильно, что я улетел на лежащих в кошеве прикащиков. А шапка моя – за экипаж на дальнее расстояние. Если бы это была не открытая кошева, а с кибиткой, тогда мне неминуемо бы размозжило голову. И всё Господь хранит!

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА В ПРОМЗИНЕ

И вот мы в Промзине. Иван Григорьевич – холостой человек, лет тридцати пяти, двоюродный брат хо-

зяев, служащий у них в прикащиках, пользовался родственным расположением и доверием хозяев. Но жизнь вел страшно безнравственную, чему способствовала и распущенность пристанского населения, и среда приезжающих на пристань массы молодых прикащиков от прочих хозяев. Деньги тут легко и с большим грехом наживались прикащиками. Так же и проживались.

В долгие зимние вечера после покупки и расчетов собиралась в квартиру нашу молодежь: прикащики, а затем являлись замаскированные крестьянские девки в однообразных и незатейливых костюмах. Сверху надеты шубки (шубейки), которые при входе в квартиру оставлялись в прихожей. Девки оставались в одних рубашках с глухим застегнутым воротом, подпоясанных поясом, без всяких юбок. Вместо головных уборов прикреплены полотенца, прикрывающие лицо и спускающиеся до пояса.

Вечер начинается чинно. Все стыдливы, сдержаны на своих местах. Их угощают сначала чаем, пряниками, а потом в сладкий чай начинают подливать понемногу французской водки, а потом и побольше. Затем потчуют деревенским пивом, в которое прибавлено много сахару и французской водки, а затем в тех же стаканах под видом пива подается чистая водка, и все это девки пьют по мере своих сил. Многие тут же падают со стульев.

Когда началась попойка, и все уже сделались развязными, тогда молодые прикащики подсаживаются рядом с маскированными. Разговаривают, шепчутся, головы свои прячут к лицу девицы под закрывающее ее лицо полотенце. Затем, вследствие сильной жары в комнате, выходят в прихожую или в сени для охлаждения.

Вечер кончается поздно и тем, что пьяных девок спускают ползком по крутой лестнице, так как на своих ногах редкая может уходить, а молодцы прикащики расходятся только навеселе. Им предстоит с раннего утра служебная коммерческая работа.

ЗАКУПКА ПШЕНИЦЫ И ОПЫТ ПЛУТОВСТВА

Так безобразно тут проживались деньги, а наживались они следующим образом.

По случаю длиннейших ночей в декабре и ноябре начинается покупка пшеницы задолго до рассвета. Она привозится возами иногородцами мордвою. Возы становятся в ряды на площади и по улицам Промзинским. Прикащики последней руки приводят мордву с пробами пшеницы в квартиры доверенных. Здесь кончается торговля, и пробы оставляются.

Мордвин с возом отправляется на пристань к амбару покупателя и становится в свою очередь за другими, прежде приехавшими возами, каких бывает по 100 и более при амбаре или у покупателя. Каждый

обметает свой воз от сора и развязывает, приготовляя к сдаче, а передние, между тем, поверяют весы и начинают сдавать при самом слабом освещении одного фонаря с сальною свечою.

Амбары устроены очень высокими, и приемка пшеницы производится на небольших полатях под самою крышею. Там повешены весы со скалкою для гирь. На одном конце – баланса, а на другом повешена кадь, вмещающая около восьми пудов пшеницы. Поперек кади, пониже половины ея, продета железная ось, за которую она и подвешена к балансу. Так что если в эту кадь насыпать пшеницы более пяти пудов, то она может без помощи рук сама опрокинуться вверх дном.

Трудно поверить, как прост был и запуган народ этот мордва, и как бесхитростно его обманывали или, вернее сказать, грабили. Полати, на которых помещаются весы, состоят из нескольких очень редко набросанных досок, и они так малы, что, кроме весов, едва помещаются на них приемщик и мужик хозяин, сдающий хлеб, для избежания лишнего контролирующего глаза. Другой мужик, подающий насыпку с пшеницею, стоит на другой площадке вне амбара у окна или маленьких дверей, сквозь которые передает насыпку хозяину. Тут также только одному можно поместиться. Затем мужики размещаются по узкой крутой наружной лестнице, так что, не перейдя со своего места, каждый принимает от ниже его стоящего мужика насыпку и передает вышестоящему, и потому передача

идет бойко. Таким же образом и обратно передаются опорожненные насыпки.

Перед началом приемки обоза делается проверка весов двумя или тремя депутатами, хозяевами пшеницы, избранными от всего обоза, следующим образом. Гири (5 пуд) снимаются со скалки и затем порожняя должна равняться по тяжести с кадкою, повешенной вместо скалки на другом конце баланса. Но кадь обыкновенно бывает тяжелее, а иногда (при неопытных депутатах) в ней бывает небольшой остаток невысыпанной пшеницы. Для уравнения кади со скалкой (вместо вывески) сколько требуется пшеницы, и затем ставят на скалку гири, и начинается быстрая приемка, продолжающаяся все утро до рассвета, весь короткий день зимний и вечер, пока вся приемка не кончится.

Приемщик одет в длинный до пят нагольный тулуп с длинными рукавами. Вооружен в одной руке липовой квадратной палочкой аршина в полтора длиною (она называется биркою), а в другой – острым складным ножом, который режет на одной стороне палки, когда высыпается кадь одна, по другой зарубке, означающие кадь или 5 пуд, а на другой стороне – остаток воза менее кади в пудах. Потом откалывает кусочек палки, означающей количество принятой пшеницы, и передает продавцу вместо квитанции для получения расчета, а другая половинка с такими же зарубками

остается не сколотою на палке для поверки при расчете.

Сначала приемка идет, по-видимому, сносно. Подают насыпку пшеницы (около пуда). Прикащик берет из нее горсть, смотрит у фонаря качество, берет из руки губами в рот, чтобы узнать на зубы, достаточно ли суха пшеница. Потом остаток из горсти бросает обратно в насыпку к хозяину, и не в амбар к принятой пшенице, а на скалку, на которой лежат гири, чтобы утяжелить ее. На эту скалку в продолжении приема он столько набросает, что иногда уже и не помещается, и лишняя сыплется со скалки в амбар. Этим способом он может получить лишней пшеницы от 5 до 21 ф. на каждые 5 пуд.

Второе плутовство состоит в том, когда сдатчик насыпает осторожно из насыпки до пяти пудов, то прикащик неприметным образом из рукава тулупа втыкает в кадь нож и не допускает кадь опрокидываться или опускаться, пока есть сила (опускаться) держит на ноже кадь. А когда она начинает осиливать или срываться с ножа, то моментально хватается другой рукой за кадь и опрокидывает ее: значит – верно, пять пудов! Но надо заметить, что брать лишнее из кади не полагается, да и нечем. Пшеница из опрокинутой кади летит в бездну, в глубину амбара, и там рассыпается на широком пространстве на спущенную ранее пшеницу.

Есть еще плутовство при помощи длинного тулупа и слабого до невозможности света. Когда сдатчик досыпает кадь, то прикащик на скалку с гирями, находящуюся позади себя, ставит свою ногу носком с поднятою вверх пяткой и держит, пока его груз не осилит, потом опрокидывает моментально кадь в бездну: значит, верно – пять пудов!

Если случится поверка весов второй раз в ту же приемку, то прикащик опрокидывает моментально скалку с гирями на дырявые полати, и пшеница проваливается в бездну, а гири остаются на полатях. Их ставят вновь на порожнюю скалку и досыпают снова пшеницей по потребности. Тем и кончается поверка.

Когда сдатчик одного своего воза (или нескольких возов) подает остаток менее кади, количество пшеницы определяется на глаз по усмотрению прикащика в цельных пудах (фунтов не полагается). Прикащик режет пуды на другой сторон бирки, а если менее пуда, тогда полагается стакан вина при расчете, что также отмечается на бирке особым знаком.

Затем в разгар приемки (в особенности к вечеру) начинается новая наглость. После долгого ожидания очереди и помощи при сдаче товарищам воз продавца поставлен к лестнице, раскрыт и несколько насыпок пшеницы из него уже поднимаются по лестнице. Прикащик смотрит неодобрительно на поданную пшеницу, спрашивает, почем куплена, потом говорит: «Не годится пшеница. Много кукля». Или

Караван судов на Волге
Открытка нач. XX в.

какой-нибудь другой предлог [находит] и приказывает отставлять воз и подавать следующий. Представьте себе положение продавца! День убит им в ожидании очереди и в помощи другим товарищам при сдаче. Опять ехать на рынок с пшеницей уже поздно. Да и там хлеб, привезенный от амбара, или не покупают, или купят за низкую цену на другой день. Зная это, продавец начинает упрашивать пожалеть его и обыкновенно предлагает уступку, но не в цене за товар. Одну или две насыпки с возу высыпает в амбар без весу, бесплатно, и тем кончается их сделка. Воз принят, и с другими пошла та же история.

ДАРОВАЯ ПШЕНИЦА

Спрашивается, сколько же в каждый день он примет даровой пшеницы и кому она поступает? На примере прошедших лет доверенный уже знает по искусству приемщика, сколько бывает привесу на сто или тысячу пудов, столько преспокойно каждый день и приписывает к покупке не купленной, обращая деньги на свои безобразные расходы. Однако же показывается несколько привеса на всю зимнюю партию и в пользу хозяина, чем и приобретается сугубое доверие. А если прикащик не проматывает деньги, а стремится их наживать, чтобы сделаться хозяином, то это достигается постепенно следующим еще способом. Вся излишне принятая пшеница не приписывается

к купленной для хозяина, а уже считается собственностью доверенного или на свой счет (это часто делается и с дозволения хозяев). Хозяйская пшеница отдается на доставку с пристани до Рыбинска, при условии, что поставщик обязывается, поскольку мог четвертый [воз] на сто (так называемый «сиротский») увезти бесплатно. Из Рыбинска в Петербург она следует таким же образом, бесконтрольно, на хозяйских барках. Так что в Петербург привозится пшеница вовсе даровая и продается за полную биржевую цену в пользу доверенного, у которого еще есть масса статей для перемещения хозяйских барышей в свой карман, и потому недолго сделаться и самому хозяином, что и делается нередко.

УСТЕРЕНСКАЯ МЕЛЬНИЦА

Ивану Григорьевичу я служил усердно и пользовался его доверием. Доказавши случайно мою честность (за что и получил от него в награду бекешу на черном меху), и ездил по уездам Алатырскому и Ардатовскому для приемки партионной пшеницы. А в его поездки оставался кассировать в Промзине. Но он получил уведомление, что проездом через Промзино будет один из хозяев – Алексей Михайлович. Потому, я полагаю, побоялся оставить меня на это время в Промзине, чтобы хозяин чрез меня не узнал о его безобразной жизни. Командировал меня верст за сто на

Устеренскую мельницу, где размалывалась наша рожь, покупаемая от помещиков партионно, для приемки ржи и присмотра за размолотом. Рожь пропускалась частью через обойку и размалывалась на три сорта муки: сеяную (или пеклеванную), обыкновенную и шательную. Набивалась в кули (всего размололи тогда шесть тысяч кулей). Но здесь я не распространяюсь в подробностях. Они интересны только для специалиста.

УВОЛЬНЕНИЕ

По проезде Алексея Михайловича меня вызвали опять в Промзино, и здесь Иван Григорьевич объявил, что приказано командировать меня в Казань к Ивану Ивановичу Чудинову, что меня не удивило, так как я и ранее состоял ему помощником, но опечалило. Должность моя в Промзине стояла выше моей казанской должности, да и время для поездки в Казань было уже неудобным по случаю наступающей весенней распутицы.

Приехавши в Казань, получаю от Ивана Ивановича предложение: не желаю ли я погостить дома, пока в Казани дела нет. Я сказал, что теперь ехать домой мне незачем и что я предпочел бы остаться у него в Казани. Тогда он поневоле должен был объявить мне волю хозяйскую, что меня приказано отправить домой и что брат мой, Василий Васильевич, уже не служит

у Полежаевых, и он не может изменить хозяйской воли. По сие время не могу без сердечной грусти вспоминать это тяжелое для меня известие. В то время служба моя только начиналась считаться не службою мальчика, а младшего прикащика, и я служил старательно.

Иван Иванович выдал мне на проезд до Орлова требующуюся сумму денег, и я скрепя сердце отправился домой совершенно без цели, в распутицу, потерявши мою начинавшуюся служебную карьеру и не зная, по какой причине.

ЖЕНИТЬБА БРАТА ВАСИЛИЯ

Приехавши домой, я встретил совершенную неожиданность. Любезный брат мой Василий Васильевич был уже дома с молодой женой Анной Григорьевной. Это меня как громом поразило, и, заплакавши горькими неутешными слезами, я оставался в прихожей и не хотел пойти в столовую, чтобы поздороваться и поздравить их. И только после долгих убеждений брата скрепя сердце согласился исполнить его желание. А любил его больше, чем брата, и от него пользовался полной откровенностью. Теперь он во власти посторонней для меня женщины, именно той, о которой он сам отзывался невыгодно, и она теперь не относится к нам иначе, как «мой Вася». Я предчувствовал тогда, что брат наш для меня и семьи нашей

навсегда потерян, и предчувствие мое со временем оправдалось вполне. После этого мог ли я когда-нибудь полюбить эту женщину, похитившую из нашей семьи лучшего члена?

Отец наш тоже не был доволен этой женитьбой брата. Во-первых, потому что он женился без дозволения отца, а во-вторых, он знал цену брату, рассчитывал найти для него в своем месте лучшую достойную партию для чести нашего семейства и выгодную материально.

Анна Григорьевна была единственная дочь крупчатого мастера, крестьянина Вытегорского уезда, местного жителя деревни Марковой, где находилась мельница, на которой брат мой состоял прикащиком у Полежаева. Ей пришлось на 13-летнем возрасте случайно временно осиротеть. Отец ея – Григорий Егорович Заморкин – пьяный из ревности убил жену свою и по этому случаю судился и содержался два года в тюрьмах. Чтобы спастись от кнута и каторжной работы, истратил на ходатайство все свое состояние, и при помощи господ Полежаевых освободился, наконец.

В эти два года сирота девушка находилась под отеческим опекунством брата Василия Васильевича и жила большей частью в его квартире и спала с ним, как с отцом, на одной постели (вследствие его патриархальности). Все бы это ничего, да она была красавица, и бойкая, несколько поученная в Петербурге, а не

грубая крестьянка, очень умная и кокетка (вероятно, по матери). Она поняла, что при карьере, простоте и невинности Василия Васильевича выгодно прибрать его к рукам, а в тоже время кокетничала и с другими лицами, как и сама после выражалась. Один из таких ухаживателей ея и с ума сгинул от нея*. Поспешная женитьба его на этой именно девушке, как объяснял мне брат, случилась неожиданно и для него следующим образом. Его потребовали к хозяевам в Петербург, и так как у него опять скопилась довольно крупная сумма, то вести ее при себе было довольно рисково. Бывали нередко в те времена случаи, что и обыскивали внезапно прикащиков по распоряжению хозяев. Послать же домой отцу не было расположения, да и бесполезно было бы на основании бывшего опыта. Потому он и решил экстренно жениться на его питомице (коей до 16-летнего возраста не доставало еще почти месяца, но их согласились обвенчать в заговенье 14 ноября 1842 года), чтобы доверить ей в его отсутствие скопленные деньги.

По случаю такой экстренной женитьбы он не только не получил благословения отца, но не спросил

* Писавши эти строки в Соловецком монастыре 9 мая 1899 г., пред окнами моей кельи случилось возмутившее меня происшествие: чайка схватила за горло подошедшего к ея гнезду неосторожного воробья, собиравшего зерна, искусала его голову и целиком его проглотила. Я долго не мог успокоиться от невиданного случая и обдумывал, к чему бы это было? Предвещает ли что мне, или это представляет описанных мною сейчас лиц: брата в виде воробья, сестру в виде чайки, но, может быть, со временем объяснится иначе.

позволения и у хозяев, которое неизбежно требовалось, и уже, приехавши в Петербург, сказал им, что он женился. Он призывался туда для получения другой, более важной должности пристанного доверенного, но по случаю самовольной женитьбы, получая от хозяев справедливый выговор, не нашел даже [возможности] извиниться перед ними, что, вероятно, признано ими за гордость. Потому вместо лучшей должности получил увольнение. При этом он спросил хозяев в отношении нас, братьев, – меня и Алексея, служивших у них. На что ему сказали: «Братья пусть служат. Учи их». Но, как видно, по случаю не извинения его оскорбились и после отъезда его, передумавши, приказали уволить и нас. Брату Алексею отказали в Петербурге. А меня, как выше сказано, отправили в Орлов.

Здесь я очутился праздным, без средств и в безвыходном положении. Семья отцовская содержалась, а при ней и я на счет брата Василия Васильевича, что, конечно, ни ему, ни жене не могло нравиться.

ПРАЗДНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Началась осенняя распутица, и поневоле я должен был оставаться в Орлове праздным, не имея никаких средств на выезд куда-либо для приискания должности. И хотя брату говаривал об этом, но не получил от него сочувствия по скупости ли его, или, мо-

Одна из тысяч соловецких чаек
Открытка нач. XX в.

жет быть, и потому, что ему я был компаньоном ходить за охотой и удить рыбу.

Ему и самому нужно было приискивать службу, и вот он отправляется для приискания в Нижегородскую ярмарку, а меня не берет с собой, чтобы не тяготиться расходом на двоих, и, рассуждая так, что, когда он поступит на службу, то после легче может найтись при его протекции место и для меня.

Уезжая в Нижний, он оставил жену в последнем периоде беременности и потому поторопился возвратиться домой, не приискавши места. У них родился сын Александр, которому я удостоен быть крестным отцом.

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ТЕАТР В ОРЛОВЕ

Теперь до зимнего пути ехать было некуда. Пришлось поневоле оставаться в Орлове, и чтобы не быть совершенно праздным, я как любитель начал устраивать маленький театр с моими товарищами детства господами Изергиными на их средства. Сам устраивал сцену и вместо столяра работал рамы для кулис. Был актером и режиссером. Мы ставили несколько пьес без разбора, какие имелись под руками, не детского содержания, в три спектакля, в которых я преимущественно брал те роли, для которых не было подходящих из товарищей. Женский персонал заменялся у нас также мальчиками. Музыка состояла из ма-

ленького расстроенного органчика. Помещение театра у нас сначала было в подполье, а потом в особой рабочей избе с русской печкой. Публика – мужчины из родственников труппы, в числе которой находился и брат мой Василий Васильевич. Он помогал мне написать и поставить пантомиму. Этому курьезному театру и труппе можно было сделать особое длинное и интересное описание, но я его пропускаю.

При сценической обстановке я декламировал «Братья разбойники» Пушкина. Публикой нашей при этом замечен был во мне крупный талант. Многие советовали мне оставить промышленное сословие, поступить на столичную сцену. Рассуждая так, что купцов у нас много, а хороших актеров мало, каковое мнение при моей любви к театру и льстило мне.

ПОЕЗДКА В СИБИРЬ

С наступлением первого зимнего пути брат решился ехать для приискания должности в Сибирь, и взял меня с собою для компании, так как расходы на прогоны здесь не составляли разницы как для одного, так и для двоих. Но мы доезжали только до Кунгура, где у известного коммерсанта Кирилла Григорьевича Кузнецова служили знакомые брату прикащики, на протекцию которых он и рассчитывал. Однако же не получилось здесь места, и возвратился через Пермь.

Заходил только к господину Любимову. Здесь тоже не получил места. Но Иван Филиппович, как человек очень умный и передовой делец, внимательно расспросил брата, где он служил и чем занимался, и на случай открывшейся у него вакансии записал адрес брата. Затем мы и возвратились в Орлов, оставаясь в том же положении.

С ОБОЗОМ В МОСКВУ

Но местная наша купеческая интеллигенция настойчиво советовали мне ехать в Москву поступать на сцену, и даже нашлись благодетели оказать материальную помощь. Двое из них – М.И. Синцов и А.Е. Изергин – дали мне по десяти рублей ассигнациями, а М.П. Попов отправил при своем обозе с маслом и свечами, заплативши за провоз меня за 5 пуд по 2 рубля. С этими средствами я решился отправиться, не спросивши от брата ничего, так как и ранее он отказывал и теперь не сочувствовал моей смелой поездке. Но при прощании, вероятно, совесть пробудилась в нем, и он дал мне золотую монету в 20 рублей ассигнациями, а отец мой при прощании решительно сказал, что он не благословляет меня поступать в актеры. Я и сам, хотя и увлекался, не только рассчитывал на это поступление. Имел в виду массу купечества в Москве, занимающуюся на пристанях хлебной покупкой. С ней уже хорошо был знаком.

Итак, опять прощай, дорогая родина! Я в семнадцатилетнем возрасте направляюсь вполне самонадеянно и самостоятельно промышлять себе и родителям с семьею хлеба. Поездка с обозом тянулась долго. Содержание на постоялых дворах с извозщиками обошлось дорого. Так что по приезде в Москву у меня осталось денег около 8 рублей ассигнациями, а с Москвою я не знаком. Бывал только проездом с Полежаевскими прикащиками. Хотя у меня были на запас полученные от Попова рекомендательные письма к табачному торговцу Н. С. Дунаеву, но те не имели возможности оказать мне содействий. Мне пришлось путешествовать по Москве для приискания места и содержаться на оставшиеся деньги.

ОБИТАТЕЛИ ДОХОДНОГО ДОМА

Прежде всего я приискал по средствам моим квартиру в центре Москвы в одном из заброшенных домов господина Варегина, предназначенных к сломке. Квартира эта состояла из одной огромной комнаты со сводом вроде залы, с русской большой печкою и двумя отгороженными в ней каморками. Она арендовалась от хозяина одною женщиной, которая и держала постояльцев, получая с них по 10 копеек и менее в сутки. А я платил по 20 копеек, пользуясь преимуществами, состоящими в том, что багаж мой (киса с бельем) хранилась в ея каморке, и спал я не на полу с прочими,

а особо в углу на сундуке. Жильцы ея были разных профессий: приезжие на зиму для торговли спичками и старой обувью крестьяне (до 60 человек), московские полубарыни и разные нищие (всех до 100 человек). А другую каморку занимал очень веселый гитарист, служащий в винном откупе поверенным, получающий большое жалование с двумя подругами. Это интересное общество и их профессии стоят пера романиста. Долгие зимние вечера мы проводили весело, многолюдно, постоянно с песнями, а днем – все в расходах по своим профессиям, и я весь день в ходу по матушке Москве. На продовольствие мое я расходовал по 20 копеек в день и жил без лишений, питаясь преимущественно московскими калачами, продававшимися в то время по 5 копеек. Чаю не пил. Только однажды полакомился – выпил стакан сбитню. Расходуя, таким образом, с квартирою по 40 копеек в день (по 10 копеек серебром), я мог располагать наличными средствами на 19 дней.

ЦЕЛКОВЫЙ ВЗАЙМЫ

В то же время оказался находящимся по делам в Москве Алексей Михайлович Полежаев и с ним один из моих бывших сослуживцев прикащик Дмитрий Васильевич, к коему я и заходил нередко для советов. У него я и решился попросить целковый взаймы, который бы обеспечил мое существование еще на десять

Дровяные барки на Москва-реке. 1880-е гг.

дней. Но получил отказ. А место все еще не имелось в виду. Кроме домов хлеботорговцев, я и не искал настойчиво, а в этих домах, осмотревши меня с ног до головы, без разговора отказывали неимением места.

СЕМИНАРИСТ

Причина оказалась довольно забавная и открылась внезапно. Шел я однажды по толкучему рынку, и тут перед лавками мальчишки без умолку зазывают к себе покупателей. Один из них, загораживая проход мой по тротуарам, кричит: «Будущий архиерей, что по-

купаете?!» Тогда я понял, что в Москве меня принимают за семинариста, да я и похож был как по возрасту моему, так и по костюму. Тулуп мой был покрыт шапкой. Волоса – нестриженные. Это и было препоною, что мне отказывали в русских купеческих домах (преимущественно раскольнических) без расспросов. Мой внешний вид не подходил к касте их и их служащих.

ДОМ ГОСПОД КУЗНЕЦОВЫХ

Но в одном из таких же домов господ Кузнецовых хозяйский сын оказался внимательнее. Расспросил подробно, где я и чем занимался, и тоже отказал за неимением места.

Спустя несколько дней мне случилось опять быть в этой местности, и я узнаю случайно, что в доме Кузнецовых спрашивали мальчика. Обрадовавшись этому известию, я иду к Кузнецовым. Опять тот же сын, Иван Федорович, ко мне выходит.

– Я слышал, что Вам нужен мальчик?

– Да. А разве с вами есть брат или какой-либо мальчик?

– Нет. Да разве вы сомневаетесь, что я могу исполнить должности мальчика?

– Да ведь Вы просились в прикащики?

– Не получивши места, чтобы не быть праздным, могу послужить и за мальчика.

– А какое Вы хотите получать жалование?

– О жаловании теперь не может быть и речи. Вы возьмите меня на две недели. Если я не буду годен, от-

кажите. Если годен, тогда и можете назначить жалование по своему усмотрению.

Этим разговором и кончилось мое поступление к ним на службу. Мне нельзя было не принять этого места, так как на завтра у меня уже не оставалось ничего на содержание.

И слава Богу! Я поступил в одну из известных фирм, занимающуюся хлебной и сальной торговлей с Петербургскою биржей, что для меня было особенно желательно. В тот же день перемещаюсь в их дом.

Дом был большой, комфортный, выстроенный в былое время одним из богатых помещиков. Имел два этажа жилых, кроме подвального, и мезонина, с большим чистым двором, массою служб и складских помещений и большим фруктовым садом. Находился в Таганке, на Красном холме при спуске на Красно-Холмский мост, близ Таганского рынка. На красной открытой местности стоит особняком.

Хозяева – закоренелые раскольники, принадлежащие к Рогожской секте. Семейство их следующее: старик Федор Васильевич (около 85 лет), седой, как лунь, обросший нетронутою бородою и бровями, чуть глаза видно; жена его, Екатерина Васильевна, немного моложе, брюзгливая старушка; старший сын, Иван Федорович (около 60 лет), также седой; жену не помню, как звали, редко ее видел, женщина не старая, жила, как затворница, постоянно с лестовкой** в руках; у них сын – Николай, юноша около 15-ти лет, и сколько-то

** Старообрядческие четки. – *В. М.*

небольших девочек; другой сын, Василий Федорович, проживающий летом в Петербурге при продаже товаров (около 55-ти лет), с лысиной во всю голову, женатый на второй жене, которую я не видел, сидит наверху; у него дочь – Екатерина (около 14-ти лет) и мальчик – Федор Васильевич (около 12 лет), любимец дедушки. Дети эти находятся при бабушке безвыездно в Москве, когда родители уезжают в Петербург.

Старики живут в мезонине; Василий Федорович – в части бельэтажа, не занимая парадных комнат; Иван Федорович – в одной половине нижнего этажа, а в другой половине – хозяйский кабинет, комната для конторских занятий, парадная прихожая и крыльцо, кухня и при ней комнаты для прислуги мужской и женской; а подвальный этаж – не жилой и почти свободный, только в одном отделении зимою держат воду, чтобы не застывала, а вход в него со двора запирается тяжелыми железными гирями. Прислуга у них и приказщики преимущественно своей раскольнической секты, за что и пользуются большим доверием...

АФАНАСИЙ БУЛЫЧЁВ

Биографический очерк

Филипп Тихонович
Булычёв

Тихон Филиппович
Булычёв

Николай Тихонович
Булычёв

ИМЕНИТЫЕ РОДСТВЕННИКИ АФАНАСИЯ БУЛЫЧЁВА

В XVIII–XIX вв. Булычёвы были известными купцами Орловской округи. Они вели торговые дела в Вятке, Петербурге и Архангельске.

Основатель династии — крестьянин Никита Семенов сын Булычёв поселился в городе Орлове «Казанскои Губернии Вятской правинцы» в 1739 г. и развернул обширную торговлю[1]. Продавал сыпные, льняные, кожевенные товары и сало. На лошадях по зимнику отправлял грузы через Вологодскую губернию, а весной и летом доставлял их в Архангельск на барках по реке Лузе, впадающей в реку Юг, приток Северной Двины. Его сын Егор Никитич постепенно увеличивал товарооборот. Через Архангельск установил промышленные связи с Англией, Голландией и Швецией, записался в купцы первой гильдии. В 1805–1808 гг. избирался бургомистром в Орловском Магистрате, а в 1817 г. — Орловским Градским Головой. Свое дело и наследство передал сыну — Тихону Егоровичу. В Отечественную войну 1812 г. старший и младший Булычёвы пожертвовали немалые средства на нужды народного ополчения[2]. После победы, учитывая спрос на русское сало за границей, Тихон Егорович открыл салотопню, а затем — салотопенный завод. За многочисленные заслуги он получил звание почетного гражданина города Орлова.

После смерти Тихона Егоровича капиталы перешли к сыну — Филиппу Тихоновичу[3]. Филипп Тихонович первым начал строить барки по 25 сажен, более чем в два раза превышающие обычную длину. Однажды на свой страх и риск он попытался доставить в Архангельск караван из пяти барок. Дело увенчалось успехом и оказалось выгодным. На каждой барке

[1] Купечество вятское. Киров-Вятка, 1999. С. 142–143.

[2] 1000 лет русского купечества. М., 1995. С. 369–374.

[3] Там же. С. 372–374.

разместилось по 55000 пудов сыпных товаров. Прибыль от их реализации купец вложил в расширение товарооборота. В 1877 г. ему принадлежали шесть пароходов, которые ходили по реке Вятке. Позднее пассажирская линия была продолжена за Казань до Нижнего Новгорода.

Сын Филиппа Тихоновича — Тихон Филиппович — послужил прототипом образа Егора Булычёва в пьесе А.М. Горького «Егор Булычёв и другие»[4]. Один из своих пароходов он назвал в честь отца — «Филипп Булычёв». В голодном 1892 г. Тихон Филиппович доставлял хлеб земству, продавая его значительно дешевле, чем другие комиссионеры. В 1902 г. он участвовал в создании «Товарищества Вятско-Волжского пароходства» при основном капитале три миллиона рублей и 36-ти пароходах. В 1911 г. построил в Вятке прядильно-ткацкую фабрику. Занимаясь коммерческими делами, много времени, сил и капиталов он тратил на общественную деятельность: состоял в должности Городского Головы и гласного Вятской Городской Думы, был почетным попечителем Вятской гимназии, статским советником. Его благотворительность и служение Отечеству отмечены орденами Святого Станислава II степени, Анны III степени. Также он был награжден золотой медалью на Станиславской ленте, знаком Красного Креста и серебряным знаком Общества подаяния помощи при кораблекрушениях. После национализации флота в феврале 1918 г. ни благотворительность купца, ни награды не спасли Тихона Филипповича Булычёва от смерти в нищете[5].

Автор записок «Ныне к вам прибегаю» Афанасий Васильевич Булычёв принадлежал к боковой родственной линии именитых промышленников. Его дед Калина Аввакумович служил приказчиком у своего родственника Тихона Егоровича Булычёва.

---

[4] Березин Е. Булычёв Тихон Филиппович // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1996. Т. 6. С. 63.

[5] Никитина И. По следам героев М. Горького. Горький, 1981.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Афоня Булычёв родился в Орлове 15 января 1827 г. (по старому стилю) в семье Василия Калинича (старшего из пятерых детей Калины Аввакумовича) и Василисы (Вассы) Булычёвых.

Зимой 1833 г. он начал учиться грамоте у попадьи Анны Кондратьевны, жены приходского священника о. Михаила Стефанова. В 1834 г. поступил в приходское училище, в 1835 г. был переведен в 1 класс уездного училища в Орлове, которое окончил в 1837 г. Мальчик отличался необыкновенными способностями в учении, пел в соборном хоре. В январе 1837 г. на 40-м году жизни скончалась его мать. Отец остался с детьми: Василием (18-ти лет), Павлом (17-ти лет), Афанасием (10-ти лет), Алексеем (9-ти лет), Екатериной (14-ти лет), Анной (3-х лет) и Евдокией (1-го года).

В июле 1837 г. на средства крестного Степана Ефимовича Изергина мальчик выехал в Архангельск для поступления в гимназию. Василий Калинич на прощание подарил сыну небольшую икону — образ преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, которые, по словам Афанасия Васильевича, «заступили место родителей и защитников на всю жизнь». В гимназию отрока не приняли из-за принадлежности к крестьянскому сословию.

Он поступил в немецкую школу мадам Дрезден, но не окончил ее. Проучился один год, и зимой 1838 г. «при караване с семгой» повлекся в северную столицу. Служил в Петербурге «комнатным мальчиком» у помещицы Екатерины Алексеевны Раловой. Помогал горничной в домашних делах, терпя ежедневные побои, оплеухи, унижения.

С помощью своего дяди Гавриила Калинича (рядового литовского полка) юноша покинул негостеприимный дом господ Раловых и поступил на службу в булочную. Занимался выпечкой и продажей пирожных. Когда работа у хозяев не заладилась, Афанасий с дядей Гавриилом, уволенным в отпуск, возвратился домой.

С наступлением морозов его послали в Казань «по зимнему пути для приискания дела». Дело нашлось в книжной лавке А.Г. Мясникова. Афанасий много читал, увлекся театром. В конце марта 1840 г. по протекции старшего брата Василия, который служил приказчиком у хлеботорговцев Полежаевых, поступил учеником и помощником к Ивану Ивановичу Чудинову, доверенному лицу Полежаевых в покупке поташа. В 1843 г. был уволен. Вернулся в Орлов. Занимался устроением любительского театра. Готовился поступать на столичную сцену, но отец возлагал на сына большие надежды и противился его стремлению к лицедейству. В 1844 г. Афанасий «при обозе с маслом и свечами» ушел в Москву, где поступил в услужение к староверам Рогожского толка господам Кузнецовым. Они занимались хлебными закупками[6]. Как складывалась судьба Афанасия Васильевича в последующие четыре года, нам неизвестно.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

В конце 1840–1850-х гг. Афанасий Васильевич служил баржевым приказчиком в Волжском пароходстве, занимался свечным делом в Перми, а позднее — в Архангельске[7].

15 апреля 1861 г. он подал прошение в Архангельскую Казенную палату об изменении своего социального статуса. Городские власти постановили: «... слободскаго 3-ей гильдии купеческаго сына Афанасия Васильева Булычёва, имеющего от роду 33 года... записать на сей 1861 год во временное Архангельское 3 гильдии купечество, о чем дать знать Архангельским: Градской Думе и Уездному Казначейству для должнаго с их сторон исполнения, для объявления сего Булычёву, по жительству его в Архангельске, во 2 части, предписать Архангельской городовой полиции»[8].

---

[6] Сведения получены из автобиографии А.В. Булычёва, публикуемой в настоящем издании.

[7] Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 390–394.

[8] ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 2. Д. 3337. Л. 1.

Объявление себя «потомственным купцом» позволяло крестьянину при заявленном капитале в 2400 рублей без дополнительных трудностей перейти в купеческое сословие. Булычёв письменно подтвердил намерение открыть «свечное и мыловаренное домашние фабричные заведения и производить торговлю как сими изделиями, так и другими однородными с ними товарами». На городские расходы пожертвовал 24 рубля, на детский приют — 6 рублей, на содержание Вологодской Окружной пробирной палатки — 75 копеек, на содержание 5-ти городских церквей — 3 рубля, нищим — 3 рубля[9]. Помимо производства мыла и свечей, он вскоре организовал небольшую спичечную фабрику.

С 1855 г. Афанасий Васильевич планировал создание пароходства на северных реках, исследовал Сухону, Двину, их притоки[10]. В Великом Устюге и Вологде обсудил с местными купцами целесообразность применения паровых судов на Северо-Двинской водной системе. В 1858 г. учредил (совместно с коммерции советником Ильей Грибановым и своим дальним родственником Филиппом Булычёвым) акционерное общество Северо-Двинского пароходства с основным капиталом 150 тысяч рублей[11]. Подписал в Бельгии контракт с фирмой «Коккериль и К» на поставку двух однотипных пароходов «Юг» и «Двина» мощностью 240 л.с. стоимостью 75 тысяч рублей. В разобранном виде их привезли в Архангельск, собрали и спустили на воду.

В «Архангельских губернских ведомостях» от 26 июля 1858 г. было дано объявление: «Контора учредителей Северо-Двинского пароходства, предполагая не позже 25 числа будущего августа месяца отправить в первый раз пароход «Юг» с буксирною баржою из Архангельска в Устюг и попутные при-

---

9 Там же. Л. 2.

10 1000 лет русского предпринимательства. С. 317.

11 Барышников М.Н. Булычов Афанасий Васильевич // Деловой мир России. СПб., 1998. С. 78.

брежные селения и обратно, имеет честь покорнейше просить желающих отправить свои грузы адресоваться заблаговременно в Архангельске в оную контору и в Устюге»[12].

23 августа 1858 г. в присутствии губернского начальства состоялось первое пробное плавание вверх по реке. Утром на берегу Северной Двины собралось множество народа с целью увидеть «паровое изобретение, способное передвигаться по воде без парусов и весел». За штурвалом стоял Афанасий Васильевич. Пароход «Юг» с 65 пассажирами на борту отошел от причала и потащил за собой на буксире две 25-метровые баржи с грузом около 40 тысяч пудов.

По причине мелководья и засушливого лета в первом рейсе пароход не дошел 60 верст до Великого Устюга, но это событие ознаменовало начало новой эпохи речного судоходства на Русском Севере. Капитан «Юга» Золотилов вышел 8 сентября в новый рейс до Устюга на «самодвижущемся судне» с 60-метровой баржей на буксире.

В следующую навигацию пароходы производили «постоянное правильное плавание между Архангельском и Великим Устюгом»[13]. Каждый из пароходов делал за лето до 11 рейсов, преодолевая путь со стоянками за 10–11 суток. Желающих совершить путешествие на «судне с печкой» было много. В одном только 1862 г. паровые машины перевезли 68 тысяч пудов груза и 3 тысячи пассажиров[14]. В 1868–1876 гг. акционерным обществом Северо-Двинского пароходства приобретены еще три парохода, а в 1883 г. — первое пассажирское судно «Вычегда»[15].

---

[12] Фруменков Г.Г. Афанасий Булычов и другие. Из истории парового пароходства на реках северодвинского бассейна. // Правда Севера. 06.10.1987. С. 4.

[13] Там же.

[14] Бородина Л.В. Булычов Афанасий Васильевич // Отечественная история России с древнейших времен до 1917 года. М., 1994. С. 309.

[15] Куратов А.А. Булычёв Афанасий Васильевич // Поморская энциклопедия: история Архангельского Севера. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 86.

Первый пароход «Двина»
Фото кон. XIX в.

В 1866 г. по Северной Двине ходило пять, а в 1909 г. — уже 289 паровых судов[16]. Экипажи работали в две смены по 12 часов в сутки. На пристанях занимались погрузкой и выгрузкой товаров. О путешествии на одном из таких пароходов сохранились красноречивые воспоминания соловецкого монаха Арсения.

23 июня 1866 г. о. Арсений, отправленный из Спасо-Преображенского монастыря в числе пяти иноков и трех послушников поддержать Троицко-Стефановскую Ульяновскую обитель в зырянском крае, прибыл из Соломбальского порта и остановился на Соловецком подворье в ожидании оказии для отъезда из Архангельска в Устюг[17]. За проезд и провоз клади надо было заплатить 100 рублей. Отцам и братии сумма показалась слишком большой. Они решили встретиться с управляющим конторой, чтобы договориться о льготных условиях переезда, но управляющий был болен и никого не принимал.

Неожиданно на подворье появился вятский купец Василий Степанович Сунцев, направляющийся в Соловецкий монастырь на богомолье. Этот господин оказался племянником одного из соловецких монахов — о. Матфея — и при расставании передал своему родственнику 200 рублей на благие дела. Вскоре на подворье появился архангельский купец Булычёв (в записках о. Арсения называемый «Г. Б.») и пожертвовал зырянской обители несколько ящиков сальных свечей, мыла и спичек. Количество багажа еще более увеличилось.

Встреча монахов и управляющего пароходством, который все еще был нездоров, состоялась, но договориться об уступках в цене не удалось. Иноки смиренно поклонились, дали начальству просфору от Соловецких Чудотворцев на телесное здравие и распрощались.

---

[16] Фруменков Г. Г. Указ. соч. С. 4.

[17] Повествование монаха Арсения об устроении Ульяновской обители // Арсеньев Ф.А. Ульяновский монастырь у зырян. М., 1889. — Цит. по: Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель. Сыктывкар, 1994. С. 42–46.

Пароходство в Архангельске
Открытка нач. XX в.

На другой день больной поправился, стал благодушен. Сам отыскал вчерашних посетителей и объявил им, что восемь человек и «сколько есть с ними клади доставит безвозмездно на барже, причаленной к пароходу».

«*Народу*, — рассказывает о. Арсений в своих воспоминаниях, — *на пристани было множество, вся набережная наполнена колыхающеюся толпою людей, то любопытствующих, то провожающих своих знакомых и родных. Но пароход еще не скоро отвалил. До восьми часов привелось дожидаться отхода. Солнце начало склоняться к закату, когда отчалились мы от пристани и ровным ходом стали удаляться от Архангельска... Пароход с баржею, усиливая свой ход, бойко резал целое море расплавленного, сверкавшего тысячами искр и лучей серебра. Горизонтальные лучи склонившегося на закат солнца дивным светом обливали широкое русло Двины, и бриллиантами играли на ней мелкие струйки воды; в пароходных колесах, разбивающих воду в мелкие брызги, стояла радуга. Налюбовавшись видом, пробывши на палубе до тех пор, пока возможно было различать окрестные предметы, мы начали забираться во внутренность баржи. Она нагружена была бочонками сельдей в таком количестве, что по поверхности этого груза надо было пробираться чуть не ползком; но и то, слава Богу, что приютились мы под крышею, представляющею защиту от непогоды. На сельдяных бочках поместились мы вповалку, рядом, конечно, без особенного удобства, да и требовать этого невозможно, потому что народу было множество, тесно и душно, а характерный запах от сельдей действовал одуряюще на голову. За ночь погода изменилась. Выйдя на палубу поутру, мы охвачены были северо-западным ветром. Мелкий дождь, как сентябрьская изморозь, обильно обдавал влагою. Все небо покрылось сплошными свинцовыми облаками. Сидеть на палубе было невозможно: холодно, сыро и неприглядно. И чем дальше, тем пронзительнее делался ветер, холод усиливался, запорхали снежинки; затем началась настоящая осенняя погода, т.е. снег и дождь из хлябей небесных посыпались непрерывно. Только выйдешь на палубу — сейчас же назад, в душную конуру, для воз-*

лежания на бочках. К благополучию пассажиров на палубе разведен был небольшой очажок, какие обыкновенно устраиваются на баржах и барках. На нем постоянно кипятили воду и раздавали желающим по 2 копейки за чайник. В такую ненастную погоду это много облегчало пассажиров, давая им возможность согреваться чаем. Так и пробивались мы с грехом пополам между теплом и холодом, сыростью на воздухе и покровом под крышею. Вдруг откуда ни возьмись, является к нам в баржу охранитель народного здравия в лице фельдшера и дает строгое приказание всем немедленно выходить наверх. В числе пассажиров большинство было чернорабочих, не имеющих теплой одежды, кроме плохонького зипунишка. Таким вовсе не желательно было выходить под снег и дождь, и потому они сперва не обратили никакого внимания на строгий приказ фельдшера; но ревностный блюститель санитарных условий, неизвестно с какого права и с чьего распоряжения, не удержался и, не внимая никаким резонам, начал орать во всю глотку: „Эй, вы — что тут лежите; все на палубу, все!“ Выбрались. Холодно на палубе. Ветер и дождь со снегом хлещет немилосердно; сесть некуда; скамей нет, а под ногами сырость и грязь. Постояли немного, потешили горлопана, но стало невмоготу, и, не взирая на запрещения фельдшера, — один по одному забрались под крышу баржи: там хоть и дурно, да, по крайней мере, не мочит и не так холодно»[18].

С точки зрения чиновников, поведение человека, даже если он поставлен жизнью в сложные обстоятельства, должно соответствовать условно принятой, понятной и документально зафиксированной норме. Люди «простые» исходили из готовности и необходимости претерпевать трудности, приспосабливаться к ситуации, помогать друг другу. Представления о «санитарной норме» были различными у официальных лиц и народа в лице монахов, рабочих, крестьян, купцов, что нередко порождало конфликтные ситуации. Подобный случай произо-

---

[18] Там же. С. 47–48.

шел на фабрике зажигательных спичек Афанасия Булычёва в августе 1861 — декабре 1862 гг.

Осмотр рабочего помещения инспектором врачебной управы обнаружил нарушение санитарных условий. В докладной записке руководству чиновник писал: «Рабочие спят в одной комнате, где работают, что сопряжено с большим вредом для здоровья, почему предписываю полиции немедленно и настоятельно потребовать от Булычёва, чтобы для спальни рабочим было особое от рабочей комнаты помещение и о последующем мне донести с пояснением, когда именно рабочие переведены в другое помещение, как о сем Булычёву было сказано при ревизовании фабрики»[19]. Дело было оформлено должным образом, передано полицейскому приставу, но неожиданно прекращено без каких-либо комментариев ни со стороны властей, ни со стороны владельца фабрики.

В 1868 г. Афанасий Васильевич открыл собственное пароходство[20] и начал осуществлять оптовую закупку зерна[21]. Вероятно, ему помог «встать на ноги» Тихон Филиппович Булычёв. Первый личный пароход Афанасия Васильевича назывался «Десятинный», так как десятую часть доходов от пароходства купец жертвовал церквям и монастырям.

Вот как описывал пароход «Десятинный» и его капитана Николай Лейкин, популярный в то время писатель, в своих воспоминаниях. «Пароход „Десятинный“, на котором мы плыли, или, как по местному выражаясь, „бежали“, был большой колесный пароход с помещением для III и IV классов несколько лучшим, чем пароход „Луза“, с большой верхней палубой, на которой хоть в двадцать пар кадриль пляши, как выразился один из пассажиров. <...> Капитан парохода совсем не был по-

[19] ГААО. Ф. 37. Оп. 1. Т. 1. Д. 1505. Л. 7.

[20] Кузнецов В. А. Об открывающемся Двинском пароходстве // Вологодские губернские ведомости. № 15. 1858.

[21] Любимов В. Булычев Афанасий Васильевич // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1996. Т. 6. С. 62.

Пристань в Великом Устюге
Открытка нач. XX в.

ющегося скупкой лесов на сруб. Это был здоровый, рослый мужчина. Говорил он на „О“ северной скороговоркой»[22].

Создание пароходства и торговля требовали строительства пристаней и складов на берегах рек, а следовательно, — расширения предпринимательской деятельности.

Будучи уже купцом 1-й гильдии, Афанасий Булычёв просит у Городской Думы разрешения на постройку «Десятинной пристани» на месте «ниже Первочастной пристани»[23]. В «Объявлении» от 8 мая 1869 г. говорится: «По примеру Северо-Двинского и Вологодского пароходных Товариществ, потребно мне для парохода «Десятинный» устроить пристань с набережной и до фарватера реки Двины для постановки у оной судна для пристанища парохода. Находя удобным для оной место ниже первоначальной пристани, я имею честь покорнейше просить мне устройство оной параллельно с первоначальной пристанью, отступя от оной на десять сажен ниже по течению реки Двины».

14 июня 1869 г. прошение было удовлетворено. Для решения вопроса о строительстве пристани властям понадобилось менее месяца, хотя места под пароходные пристани должны быть отдаваемы с торгов. В Указе Губернского Правления дана аргументация причины отступления от правила. «В Архангельске существуют только два пароходные общества — Северо-Двинское и Вологодское, которые имеют уже в своем ведении отведенные для их пароходных пристаней места, другие же лица к таковым торгам, в силу означенного Высочайше утвержденного мнения, не допускаются, ввиду чего и назначение торгов было бы бесполезно, то за сим и принимая во внимание, что к дозволению купцу Булычёву (имеющему один пароход) устроить пароходную пристань ни со стороны нынешнего судоходного начальства, ни со стороны Думы препятствий не встречено... цена за просимое Булычёвым для сказанной над-

---

[22] Н. Лейкин. По северу дикому. Архангельск, 2007. С. 94.

[23] ГААО. Ф. 49. Оп. 1. Т. 2. Д. 4264. Л. 1.

него судоходного начальства, ни со стороны Думы препятствий не встречено... цена за просимое Булычёвым для сказанной надобности место — 60 рублей в год, определена сообразно с получаемою с помянутых двух обществ (имеющих по два парохода) платою по 125 рублей в год»[24].

Вскоре приказчик Булычёва Иван Калашников доставил в Думу 60 рублей серебром «в городовой доход» за место для пристани, о чем и предложил выдать ему квитанцию[25]. Впоследствии рядом с Афанасием Васильевичем мы всегда находим этого дельного и честного человека, который станет зятем Булычёва и продолжателем его дела.

Расширяя масштабы коммерческой деятельности, Афанасий Булычёв задумал соединить Волжский и Северо-Двинский бассейны. С этой целью он предпринял попытку построить железную дорогу «Казань – Котлас» и хлопотал об этом в Петербурге. Но из-за русско-турецкой войны 1877–1878 гг. политические условия для этого грандиозного проекта были неблагоприятны[26].

В июне 1878 г. по реке Вычегде в Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь прибыл пароход Афанасия Васильевича Булычёва с богомольцами. На зырян, особенно женщин и детей, которые первый раз увидели пароход, вид огнедышащей самоходной барки произвел неизгладимое впечатление. Монах Арсений (теперь уже уставщик Ульяновского монастыря) письменно засвидетельствовал это замечательное событие.

«*Толпы народа бежали по берегу, как будто стараясь перегнать пароход, и что-то кричали. Многие женщины спускались к самой воде и умывались волной, которая настилалась на заплеск от быстрого пароходного движения; из этого можно заключить, что в понятии их пароход представлялся каким-то сверхъестественным явлением, имеющим чудодейственное значение. При-*

---

[24] Там же. Л. 7.

[25] Там же. Л. 10.

[26] Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 254.

шел пароход к Монастырю; интересующихся им набежало из окрестных деревень множество. Жгучее любопытство посмотреть на красивую барку, которая сама идет против воды, шипит, свистит и полымем пышет — разжигало Вычегодских детей природы до крайнего малодушия: все отдельные части парохода ощупывали они руками, ходили по каютам, спускались в машинное отделение, ахали и охали, судили и рядили всяк на свой лад. Булычев, желая потешить народ, объявил всем собравшимся на монастырскую пристань, что завтра утром, сколько может поместиться людей, он всех бесплатно прокатит до Устькуломского селения (20 верст) и обратно. По утру каждый спешил поскорее забраться на пароход, чтобы не прозевать — прокатиться на невиданном судне. Набралось народу полнехонько. Пароход, при общем восторге даровых пассажиров, полным ходом полетел вверх против течения. Булычев расщедрился: он приказал буфетчику всех мужчин угощать водкой, а женщин — чаем. Пошел пир горой, зыряне вступили в благодушное настроение: катанье на пароходе, даровая водка и чай — возбудили в них чувство благодарности к Булычеву; поклоны и спасибо адресовались к нему со всех сторон за неожиданный праздник»[27].

В 1880-х гг. Афанасий Булычёв продолжал поддерживать деловые контакты с Троицко-Стефановским Ульяновским монастырем. В начале навигации безвозмездно отправлял в Ульяново из Вологды более 700 пудов грузов и за умеренную плату привозил паломников[28].

На своем пароходе Булычёв доставил в монастырь паровой двигатель для подъема воды из речки Ульяновки. На берегу было построено каменное здание, в нем установлена машина, на гору проложены трубы. Паровая машина молола зерно, подавала воду в обширный резервуар, из которого по трубам — в кухню, в хлебопекарню, в настоятельский и братский корпуса, в баню,

---

[27] Повествование монаха Арсения. С. 97–98.

[28] Рощевская Л.П. Очерки истории культуры Яренского уезда XIX – н. XX вв. Сыктывкар, 2000. С. 45–61.

Пристань в Архангельске
Открытка нач. XX в.

В 1884 г. Афанасий Васильевич писал настоятелю Ульяновского монастыря: «Сверстники мои уже умирают, а я вместо приготовления к смерти намереваюсь войти в новое суетное мирское предприятие. Беломорская компания кончает свои дела и распродает все имущество, и в том числе Сереговский солеваренный завод, и я предполагаю купить его. Дело это я обдумал по силам моего разумения и нахожу его не зазорным и общеполезным, а может быть и меня Бог призывает по соседству с Вами попустынножительствовать в дебрях между зырянами и покормить комаров»[30].

В 1886 г. Афанасий Васильевич Булычёв передал 9925 десятин земли и Сереговский солеваренный завод своему приказчику Ивану Григорьевичу Калашникову с условием их возврата по первому требованию. Через два года он возвращает эту землю себе для того, чтобы часть угодий пожертвовать Кылтовскому Крестовоздвиженскому женскому монастырю[31].

В 1891 г. настоятель Ульяновского монастыря предложил купцу баржу грузоподъемностью до одной тысячи пудов, построенную для перевозки большого колокола: «Если нужно, то возьмите, мы с вас ничего не возьмем. Если не нужно, то можете ее продать». В ответ Булычёв сообщил о продаже своего пароходства господину Линдесу. Его волновали теперь другие проблемы. Он считал, что Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь много содействует просвещению зырян мужского пола, но «женщины... остаются наполовину не только не знающими истин Православной церкви, но даже и русского языка, ревность же их к богопочитанию безмерна»[32]. Афанасий Васильевич Булычёв задумал основать первый женский монастырь в зырянском крае.

---

[30] Рощевская Л.П. Указ. соч. С. 60.

[31] Рожина А.В. Основание первого женского монастыря в Коми крае // Двинская земля. Котлас, 2003. Вып. 2. С. 172–177.

[32] РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 5. – Цит. по: Рожина А.В. Указ. соч. С. 174.

Кылтовский Крестовоздвиженский женский монастырь
Фото нач. XX в.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

В 115 верстах от Яренска на холме у реки Кылтовка, впадающей в Вымь, в конце XVIII в. жил пустынник Василий Алексеевич Пестерев. Рядом с кельей благочестивый старец воздвиг в 1826 г. большой деревянный крест, который повторял размеры Голгофского Креста. После смерти Василия Пестерева охотник из села Серегово увидел над «Крестовым станом» яркое свечение, похожее на северное сияние. Свечение исходило от креста. Охотник отнес крест в село Серегово, но на следующий день креста на месте не оказалось. Он обнаружился там, где был поставлен первоначально. По явленному чуду к месту пустынножительства Василия Пестерева началось паломничество. Там и предполагалось открыть новую женскую обитель — Кылтовский Крестовоздвиженский женский монастырь[33].

В 1893 г. Священный Синод по ходатайству Булычёва принял решение «Об учреждении зырянского общежительного женского монастыря... с богадельнею при нем и с таким числом монашествующих, какое обитель по своим средствам может содержать». С благословения святого праведного Иоанна Кронштадтского Булычёв заранее начал подготовительные работы. Устроил небольшой кирпичный заводик, необходимый для каменного строительства. На месте пустыни Василия Пестерева была поставлена деревянная двухэтажная одноглавая церковь с колокольней. 20 декабря 1894 г. ее освятили именем просветителя зырян Стефана Пермского[34]. Афанасий Васильевич подарил монастырю 2,5 тысяч десятин земли, на которых рос прекрасный строевой лес, и 35 тысяч рублей на содержание духовенства.

---

[33] Время жительства пустынника и воздвижение креста в литературе оценивается неоднозначно. Ю.В. Гагарин называет 1862 год, монахини Кылтовского монастыря считают, что крест имеет более древнюю историю.

[34] Христианизация Коми края... С. 249–250.

В 1895 г. в монастырской ведомости числилось несколько крупных зданий. В 1902 г. заложен каменный пятиглавый храм во имя преподобных Зосимы и Савватия[35]. Работали несколько мастерских: иконописная, портняжная, сапожная, малярная. Сестры занимались земледелием и скотоводством. Ткали ковры, изготавливали смолу и скипидар.

Не оставляя мысленно судьбу Кылтовской обители, Булычёв надеялся стать иеромонахом, чтобы когда-нибудь благословить сестер на иноческие подвиги. Удаляясь от мира на Соловки, он завещал своей дочери Анне Афанасьевне Белявской помогать женскому монастырю. Завет отца Анна Афанасьевна свято выполняла. К 1911 г. обитель владела 44 культовыми, хозяйственными и жилыми постройками[36]. В 1915 г. в ней проживало 166 монахинь и послушниц, трудящихся по усердию.

В 1918 г. имущество монастыря было национализировано. Монахини пытались сохранить сестринское общежитие под видом трудовой сельхозобщины, но ненадолго. Монашеские обители, предназначенные для труда и молитвы, превращались в тюрьмы и концентрационные лагеря. В 1923 г. на территории бывшего монастыря была организована детская колония[37].

Помимо устроения Кылтовского монастыря Афанасий Васильевич построил церкви в Шенкурском женском монастыре и при Орловской богадельне[38]. На его средства был возведен Крестовый храм на Кузнечевском кладбище Архангельска и перенесена в безопасное место колокольня при церкви св. великомученицы Параскевы в Великом Устюге. Булычёв неоднократно жертвовал деньги церквям Архангельска, Великого Устюга, а более всего — Соловецкому Спасо-Преображенскому мужскому монастырю. За счет благочестивого жертвователя в приделе преподобных Зосимы и Савватия написаны и поставлены три ико-

---

[35] Рожина А. В. Указ. соч. С. 172.

[36] РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 152. Л. 5, 6, 15.

[37] Рощевская Л.П. Очерки истории культуры... С. 45-61.

[38] Овсянкин Е.И. Архангельские меценаты // Торговый бизнес. 2001. № 50. С. 41.

ны с серебрёными и позолоченными ризами чеканной работы. По духовному завещанию 200 тысяч рублей было передано на строительство в Архангельске богадельни для престарелых и больных женщин всех сословий.

7 февраля 1892 г. Городская Дума вынесла определение предоставить семье Булычёвых «городской пустопорожний участок земли в количестве 5460 кв. саженей в вечное бесплатное пользование исключительно под устройство благотворительного заведения»[39]. В 1894 г. на этом участке была учреждена Кузнечевская кладбищенская богадельня в память о погребенной здесь Вере Егоровне Булычёвой, супруге Афанасия Васильевича. Содержалась богадельня на проценты с капитала, положенного на вечную память Веры Егоровны, а также от денег, поступающих из вкладов на поминовение, ежегодных взносов благотворителей, кружечного сбора и подаяний[40]. Здание «Булычёвской богадельни» с домовой церковью было построено в 1905–1906 гг. Через 18 лет после смерти Афанасия Булычёва, 26 марта 1920 г., богоугодное заведение вместе с хозяйственными постройками, огородом и садом было национализировано советской властью[41].

Незадолго до смерти Афанасий Васильевич Булычёв удалился на покой в Соловецкий монастырь, где и были написаны воспоминания «Ныне к вам прибегаю». В монашестве он сохранил прежнее имя Афанасий.

О духовном состоянии о. Афанасия в последний период его жизни рассказано в некрологе, опубликованном в «Губернских ведомостях». «Религиозное настроение... нашло исход в осуществлении давнишнего желания — окончить свою жизнь в любимых им Соловках.

---

[39] Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 394.

[40] Построена богадельня сыном Афанасия Васильевича – Павлом Афанасьевичем — с братьями Веры Егоровны по воле духовного завещания и на средства отца. Автор проекта – губернский архитектор Г.К. Иванов. (Попова Л.Д. Построил купец богадельню // Архангельск. 26.05.1992. С. 6.)

[41] Паршева Ж. Именем Афанасия Булычёва призываю // Правда Севера. 13.01.2006.

Богадельня Булычева в Архангельске
Фото нач. XX в.

Надгробие А.В. Булычёва в Соловецком монастыре
Современная фотография

Еще со времени устройства пароходства Афанасий Васильевич ежегодно нанимал за себя, как за «послушника», работника для Соловецкого монастыря и с того же времени дал обещание и крепко его держался — через каждые 10 лет жить зиму на послушании в этом монастыре. Любя монастырь, он нередко также возил на своих пароходах даром богомольцев, а так называемых «годовиков» — всегда бесплатно. Последние же три года он почти безвыездно жил на Соловках, решив в них и умереть.

Неустанный посетитель всех служб церковных, строгий постник, не щадивший своего надорванного здоровья, старец, как бы заранее предчувствуя свою кончину, за год до смерти заготовил себе гроб, который и стоял около его кельи...

Суровый климат Соловок, действительно, и ускорил его кончину. Чувствуя ее приближение, Афанасий Васильевич 2 февраля настоящего года был пострижен в мантию с тем же

именем Афанасия (рясофор он принял годом раньше). Пострижение совершено было в келье, так как по слабости сил он не мог придти в церковь. После этого мирно и спокойно прожил инок Афанасий до 8 апреля, несколько раз приняв Причастие Святых Таин, и около 7 часов утра этого дня тихо и безболезненно скончался. 9 апреля, в Великую Среду торжественно было совершено отпевание почившего сонмом монашествующих, во главе с настоятелем монастыря, архимандритом Иоанникием...»[42].

На черном мраморном надгробии в некрополе Соловецкого монастыря и по сей день можно увидеть изображение креста, якоря, сердца, пылающего любовью к Господу, и прочесть надпись о человеке, который покоился под этой плитой: «Крестьянин Орловского уезда Вятской губернии, потомственный почетный гражданин, монах Соловецкого монастыря Афанасий Васильевич Булычёв, 8 апреля 1902 года, 75 лет от роду».

О ДУХОВНЫХ КОРНЯХ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Когда отец Афанасий упокоился в стенах Соловецкой обители, начинался двадцатый век. Мы живем в начале нового тысячелетия.

Размышляя о судьбах Афанасия Васильевича Булычёва и его именитых родственников, утверждаешься в мысли о духовных корнях российской экономики. На чем она основана? Только ли на желании бесконечно умножать богатство и способностях отдельных людей к предпринимательству?

Самыми успешными были купцы, промышляющие, прежде всего Царства Небесного. Среди них немало староверов. В крестьянской среде, в частности, между онежскими поморами, утвердилось мнение, что староверство — необходимое условие

[42] Афанасий Васильевич Булычёв: [Некролог] // Христианизация Коми края... С. 253–255.

материального благополучия. Успешная коммерческая деятельность Булычёва началась среди старообрядцев Рогожского толка.

Религиозность купеческого сословия, неразрывно связанного с крестьянством, побуждала к личной честности. Это залог и необходимое условие экономического процветания — своего рода «первоначальный капитал».

В деловой России XIX в. складывались династии промышленников. Купцы играли видную роль в городском самоуправлении, в общественной жизни.

В каждом человеке, в том числе и в Афанасии Васильевиче Булычёве, боролись противоречивые чувства: желание увеличения прибыли и страх Божий, азарт и понимание того, что в борьбе не все средства хороши. Он заботился о своем добром имени, которое оставил детям в наследство вместе с благоприобретенным имуществом.

В русском купечестве и крестьянстве были сильны традиции взаимовыручки, бесплатной работы «в помощь», «во славу Божию». Успешные финансовые отношения между купцами были построены на доверии товарищей друг к другу, на взаимной благотворительности. Памятование о смерти, надежда на спасение и стремление «собирать богатства на небе» побуждали деловых людей к взаимопомощи.

В характере Булычёва радует и удивляет любовь к широким благотворительным жестам. Он по-детски чистосердечно радуется с теми, кому доставляет радость. Невзгоды и печали народа для Булычёва не были чем-то отвлеченным, умозрительным, далеким. Испытав на себе побои, трудности, несправедливость, отрок Офоня, будущий именитый купец, сделал личные выводы о необходимости труда, инициативы («под лежачий камень вода не течет»), терпения, милосердия, веры и упования на Божию помощь.

Православные ценности формируют высокий идеал, а следовательно, — критерии морали и нравственности. Можно по-разному вести дела, но в душе каждый христианин дает оцен-

Надпись на надгробии А.В. Булычёва
Современная фотография

ку своим поступкам. Отсюда берет начало острое переживание русскими людьми своей изначальной греховности.

Представления о том, что «богатому трудно войти в Царство Небесное», провоцировали, с одной стороны, разгул, желание прокутить, прогулять имущество, покаяться и начать жизнь в новом качестве, а с другой — осознанную, целенаправленную помощь ближнему. Купеческое самодурство тоже, вероятно, имеет духовные корни. Происходит от маловерия и проявляется в богоборческом желании «хозяина» поставить себя, если не в центр мира, то в центр семьи.

Западный протестантизм сформировал представления о священной частной собственности как проявлении милости Божией. В России, где до 1861 г. сохранялось крепостное право, «частная собственность» — понятие в значительной степени условное. Человек может быть богатым или бедным — не в этом дело. Важно, как он относится к богатству, не творит ли кумира из ценностей мира сего.

В середине XVI в. одна третья часть пахотных земель на Руси принадлежала Церкви и монастырям. В начале XX в. крестьяне составляли около 80 % народонаселения империи. Деятельность крестьянства и тесно связанного с ним купечества определяла характер и основу отечественной экономики.

Истории свойственно повторяться. Для сохранения государственной целостности, возрождения сельского хозяйства и промышленности необходимо изучать духовный аспект социально-экономической деятельности в России, умножать опыт предпринимательства и благотворительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Афанасий Васильевич Булычёв: [Некролог] // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1.

2. Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-библиографический справочник. СПб., 1998.

3. Бородина Л.В. Булычёв Афанасий Васильевич // Отечественная история. М., 1994. Т. 1.

4. Бородина Л.В. Пароходство на русском Севере // Деловой мир. № 131–132. 15.06.1991.

5. Вятское предпринимательство: история и персоналии. Киров, 2003.

6. Купечество вятское: из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров – Вятка, 1999.

7. Куратов А.А. Булычёв Афанасий Васильевич // Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1.

8. Лейкин Н. По северу дикому. Архангельск, 2007.

9. Любимов В. Булычёв Афанасий Васильевич // Энциклопедия земли вятской. Киров, 1996. Т. 6.

10. Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000.

11. Овсянкин Е.И. Архангельские меценаты // Торговый бизнес. 2001. № 50.

12. Паршева Ж. Именем Афанасия Булычёва призываю // Правда Севера. 13.01.2006.

13. Повествование монаха Арсения об устроении Ульяновской обители // Арсеньев Ф.А. Ульяновский монастырь у зырян. М., 1889.

14. Попова Л.Д. Построил купец богадельню... // Архангельск. 26.05.1992.

15. Попова Л.Д. Архангельск: Очерки истории строительства. Архангельск, 1994.

16. Потапов Л. Жизнь и смерть инока Афанасия // Красное знамя. 22.04.1997.

17. Рогачев М.Б. Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь // Родники пармы. Сыктывкар, 1993.

18. Рожина А.В. Основание первого женского монастыря в Коми крае // Двинская земля. Котлас, 2003. Вып. 2.

19. Рощевская Л.П. Очерки истории культуры Яренского уезда XIX – начала XX вв. Сыктывкар, 2000.

20. Суворов Е.С. История Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря и его влияние на духовную жизнь Европейского Севера // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1.

21. 1000 лет русского купечества. М., 1995.

22. Фруменков Г.Г: Афанасий Булычов и другие. Из истории парового судоходства на реках северодвинского бассейна // Правда Севера. 6 октября 1987 г.

СОКРАЩЕНИЯ

ГААО — Государственный архив Архангельской области.
РГИА — Российский государственный исторический архив.

Научно-популярное издание

Афанасий Булычёв

«НЫНЕ К ВАМ ПРИБЕГАЮ»

Жизнеописание соловецкого инока Афанасия, написанное им самим

Подготовка к печати, комментарии *В. Матонин*

Рецензенты *Д. Арапов, А. Куратов*

Редактор *В. Аксючиц-Лаушкина*

Корректор *В. Дроздова*

Оформление и макет *С. Рапенкова*

Подписано в печать 21.01.08. Формат 70х90/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем 5 п.л. Усл.-печ. л. 5,8. Тираж 1000 экз.

Электронный адрес издательства:

info@solovki.info, www.solovki.info

"ДЕСЯТИННЫЙ"

